

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2011

© издание ёфицировано

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Уважаемые читатели!

С июля 2011 года журнал «Смена» и литературно-художественное приложение к журналу становятся единым изданием, объемом 192 страницы.

Во втором полугодии 2011 года на страницах журнала вы сможете прочитать лучшие детективы, остросюжетные романы и повести российских и зарубежных авторов, рассказы самых интересных молодых писателей. Мы продолжим публикацию незнакомых большинству наших читателей произведений отечественной прозы XIX и XX веков.

В портфеле очерки о великих художниках и судьбах созданных ими шедевров, материалы о ярких судьбоносных событиях отечественной и мировой истории. Мы планируем печатать материалы о невероятных и удивительных фактах и явлениях окружающего нас мира.

С нами продолжают сотрудничать ваши любимые авторы: Светлана Бестужева-Лада, Денис Логинов, Елена Логунова, Анна и Сергей Литвиновы, Ирина Опимах, Сергей Чекмаев, Евгения Гордиенко, Екатерина Пименова, Варвара Клюева...

Еще раз обращаем ваше внимание, что с июля 2011 года журнал «Смена» и его литературное приложение будут единым ежемесячным изданием, подписку на которое можно оформить по любому из каталогов или через редакцию.

Уважаемые читатели!**Подписаться на журнал «Смена» также можно через редакцию.**

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14 стр. 1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 66 руб., на 3 месяца – 198 руб., на 6 месяцев – 396 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

<i>МИНУВШЕЕ</i>	Мать слепого князя Светлана Бестужева-Лада	4
	<i>ПОЭЗИЯ</i> Светлана Бестужева-Лада	17
<i>НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ</i>	Тайная операция НКВД Анатолий Пименов	20
<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i>	Американка на французской кухне Евгения Гордиенко	28
<i>ШЕДЕВР</i>	Фра Филиппо Липпи и его Мадонна Ирина Олимах	36
	<i>РАССКАЗ</i> Гагарин Елена Логунова	44
	<i>НАМ ПИШУТ</i>	51
<i>РАССКАЗ</i>	Как в сказке Юрий Хапов	52
<i>ДЕТЕКТИВ</i>	Вкус золота Наталья Солдатова	60
	<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	108

МАТЬ СЛЕПОГО КНЯЗЯ

Светлана Бестужева-Лада

Колокола звонили, как и положено, со сдержанной скорбью. Постригалась в монахини не абы кто — мать великого князя московского, великая княгиня Софья. Но ей самой в скорбном звоне колоколов чудились иные отзвуки — райские. Притомилась — 80 лет прожила, из них чуть ли не шесть десятков — в непрерывных государственных заботах, войнах да иных скорбях великих. Пора, пора...

С трудом встала с каменных плит Вознесенского монастыря в Кремле уже не княгиня Софья — смиренная инокиня Марфа. Обвела взглядом храм и... улыбнулась. Вот и закончился её мирской путь, теперь до Бога несколько шагов осталось.

А ведь словно вчера всё началось...

Это сейчас от Литовского княжества лишь отголоски былой славы остались, да вот инокиня Марфа — последняя

законная наследница престола великого Гедимины. А раньше великое княжество Литовское объединяло все западные и южные русские земли. Граница проходила в нескольких десятках километров от Москвы. Не то что Тверь — даже Клин был для Москвы «зарубежьем». Гедиминас не воевал ни с одним русским княжеством, но они сами присоединялись к Литве и составили в конце концов три четверти её территорий.

Софья родилась в Тракайском замке, когда отец её, тогда ещё княжич литовский Витовт, вступил во второй брак с Анной Святославовой, великой княжной смоленской. Но ходили смутные слухи, что Софья — дочь Витовта от его первого брака с некоей Марией Лукомской, умершей при родах. Ибо больше детей у Витовта не было, а княгиня Анна не желала, чтобы её считали бесплодной. В церковной книге якобы существовала подлинная запись о крещении младенца Софии, но известна только дата — 1371 год. Смутное, тяжёлое время для властолюбивого княжича, отец которого, Кейстут, вёл непрерывную борьбу за власть с претендентом на польский престол князем Ягайло.

Борьба закончилась тем, что Ягайло взял в плен, а затем убил Кейстута. Чтобы избежать такой же участи, Витовт бежал к мазовецкому князю Янушу, женатому на его сестре Дануте, и обратился за помощью к магистру Ливонского ордена. Правда, пришлось перейти из православной веры в католичество, но князя Витовта такие мелочи не смущали.

Ливонский орден не замедлил воспользоваться возможностью посеять смуту в Литве и начать грабить её города и селения. Разгорелась междоусобная война, совершенно невыгодная обеим сторонам. Ягайло в 1384 году заключил мирный договор с Витовтом, а затем, женившись на польской королеве Ядвиге, отдал ему, наконец, литовский великокняжеский престол.

Витовт номинально стал вассалом польского короля. Страна ему досталась опустошённая, соседи — алчные и беспокойные рыцари, не уступали им и татары, постоянно грабившие южные и юго-восточные владения. Но постепенно Витовт уничтожил систему уделов, обновил государственный строй, провёл целый ряд реформ и заставил считаться с собой не только поляков и русских, но и татар и немцев.

Всю свою жизнь он стремился к созданию мощного и независимого государства, жестоко карал, когда нужно было обуздать, удельных князей, даже своих родственников. В этой обстановке росла и набиралась ума Софья, с раннего детства верившая, что ей предназначен особый удел.

Наверное, потому, что у Витовта не было сыновей, он воспитывал единственную дочь по-мужски, будто заранее готовил её к государственной деятельности. Действительно, была у честолюбивого литвина такая мечта: унаследовать власть после отца, найти дочери равного ей супруга и сделать Литву самым великим европейским государством.

Потому-то до двадцати лет красавица, умница, знатного рода и с богатым приданым девица всё ещё была не замужем. Женихи вились вокруг неё уже лет восемь, только Витовт отвергал все предложения, даже не утруждая себя объяснениями. Он чего-то ждал.

Когда в 1391 году в замке появился высокий широкоплечий юноша, русоволосый, с приятным лицом, все заметили, с каким почётом принял его Витовт. Хотя не был русский князь Василий пока ни особо знаменит, ни особо силен, зато был он сыном Дмитрия Донского, искавшим в Литве союзников.

Куликовская битва, выигранная под предводительством князя Дмитрия Донского, прославила Русь и Москву. Но Золотая Орда была ещё сильна, и после гибели Мамаю, убитого в одном из походов, власть перешла к хану Тохтамышу, задумавшему отомстить за поражение татар на Куликовом поле.

Тохтамыш подошёл к Москве неожиданно со стороны Рязани, дотла сжёг Серпухов, после чего двинулся к Москве. Приближение татарского войска стало известно Дмитрию Донскому, но его погубило предательство своих же соотечественников. Каменный московский Кремль на первых порах оправдывал свою славу неприступного. Город держался уже три дня, но...

Нижегородские князья, пришедшие с татарами, клялись москвичам, что Тохтамыш не намеревается причинить им зло и требует только, чтобы его почётно встретили с дарами. Татары уговорили открыть ворота и встретить хана

крестным ходом. Когда торжественная процессия вышла из Кремля, татары убили перед городскими воротами возглавлявшего оборону воеводу и начали убивать беззащитных москвичей.

Страшен был вид Москвы после разгрома её Тохтамышем. Одних трупов было погребено 10 тысяч. Опять «хозяевами земли русской» стали захватчики, опять нужно было ехать на поклон к хану в Орду, чтобы получить «ярлык на княжение». В 1382 году, после разорения Москвы, Дмитрий Донской отправил своего старшего сына Василия в Орду «тягаться с Михаилом Александровичем Тверским о великом княжении».

Тохтамыш не дал Михаилу великого княжения, но и Василия под разными предлогами удерживал у себя как заложника. Только через три года молодой князь сумел спастись бегством из плена — в Молдавию. Там в 1389 году настигло его известие о смерти отца и о том, что он получил по завещанию лучшие и сильнейшие города: Владимир, Коломну, Кострому и Переяславль. Оставалось только вернуть себе московский престол. Тут-то и возникла мысль о союзе с Литвой, который легче всего было заключить через брак.

Василий нашёл и союзника, и супругу: буквально через пару месяцев Софья Витовтовна стала русской княгиней.

В качестве свадебных даров жене Василий пристроил новые палаты к Кремлёвскому дворцу, повесил на них часы с боем, работавшие «самозвонно и самодвижно». А вот отца своего Софья увидела лишь семь лет спустя после венчания, когда приехала в 1398 году в Смоленск. Там он подарил ей икону Смоленской Богоматери Одигитрии, которую в 1046 году привезла из Греции царица Анна Мономах, в те времена — невеста черниговского князя Всеволода, сына Ярослава Мудрого. Софья увезла подарок в Москву, и он навсегда остался в России.

Ещё в самом начале семейной жизни Софья спросила мужа, почему его отец, прославленный полководец, не сумел защитить Москву. И услышала, что Дмитрия Донского... в Москве не было. Он уехал с семьёй подальше от опасности, на север, оставив вместо себя воеводу. Гордая литвинка не по-

нимала, как же мог владетельный князь поступить таким образом. Её отец непременно сам встал бы во главе обороны.

Уже в самом начале своего княжения Василий Дмитриевич показал, что собирается продолжать политику отца и деда. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский престол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество нижегородское. Потом к нему прибавились Муром, Городец, Мещёра и Таруса. А сам князь сел на великокняжеский престол в востановленной Москве. Рядом с Софьей, точнее вместе с ней.

В государственных и хозяйственно-административных делах Софья была незаменимой помощницей мужу. Из 53 грамот русских великих княгинь, дошедших до историков, 10 подписывала Софья. И супруг, и отец делали ей щедрые подарки, которые она обращала в земельную собственность и очень мудро управляла ею. Именно ей великокняжеская семья обязана приобретением села Крылатского, где она устроила особый дом на случай приезда в Москву своего отца.

Но Софья была ещё и хорошей женой: за годы долгого и счастливого брака она родила мужу девятерых детей — пятерых сыновей и четырёх дочерей. Только вот спокойствия в делах престолонаследия так и не смогла добиться: и братья её покойного свёкра, и младшие братья её супруга делали всё возможное, чтобы отнять у Василия Дмитриевича великокняжеский престол.

Но и тут Софья оказалась надёжной опорой своему супругу: могущество её отца год от года возрастало, а с Москвой Литва в 1408 году заключила вечный мир. Столь прочный тыл помог Витовту пять лет спустя нанести сокрушительное поражение Тевтонскому рыцарскому ордену в Грюнвальдской битве, а Софья выдала свою старшую дочь Анну за Иоанна Мануиловича Палеолога, будущего византийского императора Иоанна VIII. К несчастью, Анна умерла родами через шесть лет после свадьбы, так и не став императрицей.

Но вообще-то отношение к Витовту во все времена было неоднозначным. Литовцы его называли (и называют сейчас) великим, в псковских летописях он называется «поганым отступником правыя веры христианския», в истори-

ческих документах существует такая характеристика: «Заслужил постоянными интригами, изменами и коварством ненависть современников». Но всё это было написано потом, после его смерти.

Как бы то ни было, Витовту удалось так устроить свои дела с Ордой, что по первому требованию к нему приходила татарская конница, а о набегам и речи не могло быть. Он был горд и высокомерен с князьями, суров для воинских начальников, взыскателен и неумолим в делах правосудия, но всегда доступен для людей низкого звания: воинов, селян, горожан. Великие князья, рязанский и тверской, называли его господином и государем, Чехия предлагала ему свою корону, а германский император предложил короноваться литовским королём. Витовт согласился, но, увы, не дожил до официальной коронации. Не удивительно — ему к тому времени уже исполнилось 85 лет.

Орда отыгрывалась на Москве: в 1408 году войска ордынского хана Едигея осадили город. Софья с детьми бежала в Кострому и тем самым спасла семью, но дети, рождённые до этого, в том числе и первенец Иван, погибли от моровой язвы (чумы). Всю оставшуюся жизнь Софья не могла простить себе этого бегства и считала, что её Бог наказал. Тем более что на сей раз Москва не сдалась на милость победителя, а сама одержала победу.

Князь Василий Дмитриевич умер сравнительно молодым, судя по всему, от чахотки, причём угас так быстро, что подозревали отравление — вполне обычное дело в княжеских семьях. В 1425 году Софья Витовтовна официально стала опекуной десятилетнего сына — матёрой вдовой, как тогда говорили.

Не нуждаясь больше в том, чтобы держаться в тени мужа, княгиня начала ещё активнее вникать в государственные дела. Фактически она была правительницей княжества, что, разумеется, далеко не всем приходилось по вкусу. Тем более что и правила она не только железной рукой, но и не всегда по справедливости.

Так, воспользовавшись смертью шурина, бездетного князя Петра Дмитриевича, распорядилась присоединить к Москве его Дмитровский удел. При участии митрополита

Фотия в 1428 году вынудила другого брата мужа — звенигородского князя Юрия Дмитриевича (бывшего в то время старшим среди возможных претендентов на великое княжение) — признать на престоле малолетнего Василия. Это ей удалось, в основном, потому, что согласия между братьями не было и в помине: каждый заботился только о собственной выгоде.

Достойная ученица своего отца, Софья не только была в курсе всех родственных склок, но и умело пользовалась ими. Помогал ей и авторитет отца: ни один из русских князей не решался сделать что-то вопреки её воле, так как боялся решительных действий со стороны Литвы. Влияние Витовта на русские внутренние дела в то время было колоссальным. Но...

В октябре 1430 года Витовт умер. Закончился период славы и самостоятельности великого княжества Литовского.

И тут же пошатнулось положение Софьи, а следовательно и её сына. Пришлось всё в той же Орде, сохранившей толику прежнего влияния, разбирать тяжбу между 16-летним Василием II и его дядей, Юрием Дмитриевичем, который, нарушив слово, ранее данное Софье, предъявил претензии на великое московское княжение.

Спор был выигран при поддержке умного и хитрого московского боярина Ивана Всеволожского, посланного Софьей с просьбой помочь её сыну. Взамен Софья обещала, что дочь Всеволожского станет женой её сына, то есть великой московской княгиней. «Приз» был более чем соблазнительным, и будущий княжеский тесть расстарался...

Но, как говаривалось в прежние времена, «царёво слово переменчиво». Получив вождеденный престол для сына, Софья передумала родниться с «обышным» боярином и выбрала для Василия невесту познатнее, побогаче и ближе в родственном отношении к её литовским корням — Марию Ярославну, внучку Елены Ольгердовны и серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго.

Характер у Софьи вообще был непростой. О ней говорили, что была она «нраву весьма горделивого», что очень часто проявлялось по отношению к её обидчикам и недругам. А случай на свадьбе сына вообще вошёл во все летописные своды: княгине донесли, что её племянник Василий, по прозвищу Косой, сын князя Юрия Дмитриевича, явился

на свадьбу в золотом поясе, украшенном драгоценностями. Всё бы ничего, да только пояс этот принадлежал Московскому княжескому дому и был некогда украден. Потом он каким-то образом оказался у звенигородского князя, а тот вручил его сыну. Взбешённая Софья прилюдно и демонстративно сорвала этот пояс с племянника.

Отношения между родственниками от этого, разумеется, не улучшились, да и сам поступок был не слишком разумен, но Софью явно ослепил гнев и давняя вседозволенность. Обиженный Всеволожский перешёл на сторону князя Юрия, Василий Косой с братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным уехал к отцу в Звенигород. И вскоре между князьями московским и звенигородским начались вооружённые столкновения.

В апреле 1433 года князь звенигородский разгромил войско Василия II и захватил Москву. Племянника Юрий Дмитриевич отпустил, но великого княжения лишил и дал ему в удел Коломну.

Однако возмущение всей Руси таким самоуправством было столь велико, что вскоре Юрий Дмитриевич предпочёл добровольно вернуть престол Василию и удалился в Звенигород. Но Василий Косой и Дмитрий Шемяка, старшие сыновья Юрия Звенигородского, не согласились с решением отца и вернули его на московский престол. Пока шли эти схватки и интриги, Софья пыталась восстановить своё прежнее влияние на бояр. Увы, её отца уже не было на свете, а престол выскользнул из рук единственного сына.

Правда, великий князь московский Юрий Дмитриевич правил недолго, едва ли год, и внезапно скончался. Поговаривали о яде, народ же предпочитал версию о «гневе Божьем». Простые люди отдавали предпочтение побеждённому Василию Дмитриевичу и тянулись в Коломну, к «истинному государю». Внук двух великих князей — русского Дмитрия Донского и литовского Витовта, — он казался народу воплощением гордого духа обоих. Звенигородских же князей недолюбливали за вечные склоки и междоусобицы.

Это не помешало Василию Косому самовольно занять великокняжеский престол, что возмутило даже его родных братьев — Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного. В от-

местку они призвали Василия II вернуться в Москву... И снова началась война за власть, где брат сражался против брата. Исход для самозванного князя оказался плачевным — он был взят в плен и по приговору московских бояр ослеплён.

Не раз впоследствии вспомнит Софья эту казнь, вымаливая у Бога прощение за своё жестокосердие. Ибо аукнулось ей это деяние самым трагическим образом.

Пока князья делили престолы, значительно усилилось Казанское ханство, до которого никому тогда не было дела. Теперь набеги на Русь начали совершать уже казанские татары, доселе смиренно сидевшие на своих землях. Почти десять лет отражала Русь эти набеги, пока не произошла трагедия: в 1445 году великий князь московский, тяжело раненный в сражении на реке Нерли, попал в плен. Ему отрубили несколько пальцев на руке, а на голове его лекари насчитали тридцать (!) ран. Софья Витовтовна выкупила чудом выжившего сына за огромную по тем временам сумму — 25 тысяч рублей! Но это ещё не было концом злоключений.

Пока Василий II находился в плену, Дмитрий Шемяка, в очередной раз переменявший свои убеждения, составил заговор против того, за кого ещё недавно сражался. По возвращению из плена в феврале 1446 года великий князь отправился на богомолье. Едва он выехал из Москвы, Шемяка овладел столицей, захватив в плен Софью Витовтовну и супругу великого князя Марию Ярославну.

А потом... потом пленного князя по приказу Шемяки ослепили и сослали в Углич. Поэтому и вошёл Василий II в историю со странным прозвищем Тёмный. Сыновей великого князя спрятали верные люди, но Шемяке удалось обманом заманить их в ловушку и отправить в тот же Углич.

Сторонники свергнутого и изувеченного князя укрылись в Литве, где их встретили с большим почётом. Это, естественно, не упрочило положения Шемяки: сосредоточение недовольных на литовской территории угрожало крупными осложнениями и новыми военными действиями, на которые не было уже ни сил, ни средств. Василия освободили из-под стражи и дали ему в удел Вологду, куда тут же потянулся народ, как когда-то — в Коломну. А тверской князь Борис, один из самых влиятель-

ных в то время на Руси, обручил свою дочь с сыном Василия Иваном — будущим великим князем Иваном III.

Софью Витовтовну, разлучённую со слепым сыном, её противники пытались отделить от родных, ибо страшились влияния этой нестигаемой женщины. 75-летнюю старуху сослали в Чухлому, а оттуда увезли в Каргополь — по тем временам глушь несусветную. Лишь под давлением высших церковных властей, пригрозивших Дмитрию карой небесной, тот отпустил Софью на свободу, и она добралась до Троице-Сергиевой обители, где встретила слепого сына, собиравшегося постричься в монахи Спасо-Каменного монастыря.

Ибо после ослепления никто никогда и нигде не возвращался к активной политической деятельности, и уж тем более не возвращался на престол. К тому же сломленный своим несчастьем Василий прилюдно покаялся и целовал крест на верность Шемяке. И тут из ссылки вернулась Софья...

Подготовка к пострижению в монахи свергнутого великого князя шла полным ходом, когда в Спасо-Каменный монастырь неожиданно прибыл игумен Макарий, чтобы уговорить князя вновь занять великокняжеский трон в Москве. Нужно было только проявить волю к победе, объединив под свои знамёна врагов Шемяки.

Утром о решении было объявлено игумену Спасо-Каменного монастыря, который всё понял и поддержал князя. Договорились, что Макарий отбудет в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы предупредить и подготовить местного игумена Трифона к подобающей встрече Василия Тёмного с семейством. Целью поездки теперь объявлялась безусловная поддержка знатного гостя в борьбе за великокняжеский престол, а значит и за снятие с него целовальной клятвы на кресте.

То, что произошло в тот вечер и в ту ночь на Каменном острове, Василий Тёмный посчитал знаком с небес, которым впервые был отмечен его властный путь. Всё в дальнейшем случилось так, как и задумывали.

Дни великого княжения князя Дмитрия Юрьевича Шемяки оказались сочтены...

В 1449 году, когда Шемяка вновь выступил против Василия II, поход московских войск носил характер почти крестового: с великим князем шло всё высшее духовенство. Да и явное предпочтение, которое простой народ отдавал своему слепому государю, сыграло свою роль. На Руси всегда любили и почитали мучеников, а Василий стал им фактически ещё при жизни. Шемяка бежал в Великий Новгород, без особого успеха пытался собрать новых сторонников и... внезапно скончался. Версия об отравлении его московскими стараниями по некоторым признакам может считаться правдоподобной. После этого к Московскому княжеству присоединились Можайск и Боровск.

Казалось, сами небесные силы покровительствовали слепому князю. В 1453 году турки захватили Константинополь, бывший до этого времени центром православия, и отныне главным оплотом православия стала Русь. Народ и в этом усмотрел промысел Божий, равно как и в том, что последнее нападение татар на Москву закончилось их внезапным и необъяснимым бегством из-под стен осаждённого города.

Хотя в этом никакой заслуги Василия не было: он в это время совершал поездку по Волге. Руководили оборонной его 80-летняя мать вместе с новым митрополитом Ионой.

Результаты княжения Василия II можно характеризовать как ряд крупных успехов: увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач русской церкви, обновлённая идея московского самодержавия и внутренне упроченная власть великого князя. В 1450 году Иван, старший сын Василия II, был сделан его соправителем, его имя встречается на государственных грамотах. Только мало кому известно, что за всеми этими делами почти всегда стояла Софья — достойная дочь своего великого отца.

Василий II Тёмный вышел победителем из 20-летней борьбы за новый порядок престолонаследия. Умирая, он благословил своего старшего сына Иоанна великим княжением московским, так как город Владимир был включён

в состав Московской области. На стороне Василия Тёмного были московские бояре, духовенство и народ. Все они почувствовали новому порядку престолонаследия, с которым наконец-то прекращались прежние княжеские усобицы, изрядно вредившие государству изнутри.

При нём же был постановлен митрополит, что дало русскому духовенству долгожданную независимость от константинопольского патриарха. Сама же Софья Витовтовна неоднократно участвовала в закладке церквей и монастырей и страстно желала видеть окончание постройки Вознесенского собора в Кремле.

Незадолго до конца жизни она купила село Воробьёво в окрестностях Москвы (на Воробьёвых горах), которое благодаря ей стало считаться великокняжеской, а затем и царской летней резиденцией.

Удивительно, но никто и никогда не попрекал вдовствующую княгиню её иноземным происхождением, как это произошло всего лишь полвека спустя с Еленой Глинской. Народ ещё не отвык, что их правители брали в жёны иноземных принцесс и княжон. А литвинка сделала для России куда больше, чем русские жёны других великих князей.

Она тихо преставилась летом 1453 года в возрасте 82 лет и была похоронена в традиционной усыпальнице русских княгинь в Вознесенском монастыре.

Её сын был ещё не стар, но несчастья и душевные страдания подорвали его силы. Сказались также ранения, полученные в боях с татарами. А смерть матери лишила его самого верного друга и союзника, он пережил её лишь на девять лет.

Василий Тёмный хотел умереть монахом, но ему сделать этого не пришлось — не хватило времени. Он лишь успел написать духовную грамоту, утвердив великое княжение за старшим сыном Иоанном, и преставился на сорок седьмом году жизни Великим постом 1462 года. Закончилось правление того, кто был, пожалуй, одной из самых трагических фигур русской истории.

Начался совершенно новый этап самой этой истории. ◻

Светлана Бестужева-Лада

У Светланы Бестужевой-Лады вышло уже много прозаических сборников, но поэтических ещё не было. А в этом году наконец увидел свет первый её поэтический сборник «Круг памяти», подборку из которого мы и предлагаем вашему вниманию.

От лица редакции и вашего, дорогие читатели, поздравляем любимого и уважаемого автора с этим знаменательным событием в её жизни.

К Богоматери

Мать божия, не прогневись,
Как молиться тебе — не знаю,
Только в небо, в безбрежную высь
Не молитву — мольбу посылаю.

Мать божия, помоги!
Просто силы уже на исходе.
Впереди не видно ни зги,
Солнце чёрное на небосводе.

Мать божия, укрепи!
Отведи весь соблазн напрасный.
В храм давно не ходила — прости,
Дай заочное мне причастие.

Мать божия, кто без греха?
Разве я больше всех грешила?
Только в горьких моих стихах,
Только в горе моем бессильном.

Мать божия, исцели
Мою душу, пока ещё жИва...
Если нет на земле любви,
То хоть ты яви свою милость!

Лебединый романс

Не бывает в конце, как в начале,
Не бывает — моли не моли.
Белый лебедь — эмблема любви,
Чёрный лебедь — эмблема печали.

И плывут по застывшей воде
Друг за другом, как в танце старинном,
Белый лебедь — к объятьям невинным,
Чёрный лебедь — к слезам и беде.

Только редко — почти никогда! —
Могут рядом они оказаться:
Белый лебедь — волшебное счастье,
Чёрный лебедь — прощай навсегда...

Не бывает в конце, как в начале,
Не бывает — моли не моли.
Белый лебедь — эмблема любви,
Чёрный лебедь — эмблема печали.

Упавшая звезда

Звезда упала с неба на ладонь,
Прожгла навывлет и у ног погасла...
У Бога ЭТУ ты просила боль?
Так наслаждайся этим жгучим счастьем.
Ах, звездопад! Желанья загадав,
Себя мы обрекаем на ранимость...
Нет, кто-то был мучительно неправ,
Суля звезду нам с неба, точно милость.
Нельзя ловить звезду — она огонь,
Играть с огнём — занятие для беспечных...
Ах, звездопад! Зачем себе мы врём,
Что сможем удержать в ладони вечность?
Так больно... Сил нет даже закричать.
Окаменев, ослепнув от отчаяния,
Мы сохраняем на руке печать
Звезды упавшей... Сбывшихся желаний.

Ведьма

По булыжной мостовой ступая,
Глядя в бесконечный небосвод,
Женщина — такая молодая, —
Точно к трону, шла на эшафот.

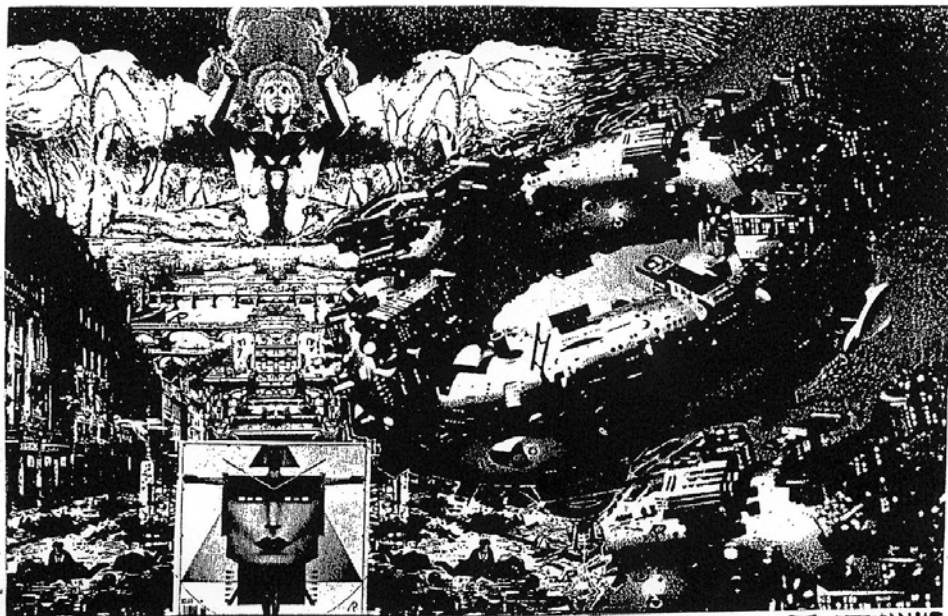
«Ведьма!» — злобно ей толпа орала,
Впереди давно готов костёр,
Но она людей не замечала,
Вспоминая жуткий приговор:

«Сжечь живьём. И пепла не оставить».
Что ж, пусть жгут. Сгорит ведь только плоть.
К праху — прах, пускай. Бессмертна память.
И души костру не побороть.

Кровью каждый шаг её отмечен,
Но глаза бездонны и сухи.
Зря священник прямо в ухо шепчет:
«Ты поведай, дочь моя, грехи,

И тогда они тебе простятся,
И шагнёшь, очищенная, в рай...»
Ведьме ль ада пламени бояться?
Мимо губ — распятья острый край.

По ступенькам — вверх. Глазами — выше.
И — уже из пламени: «Проща-а-а-й!»
Ахнула — от мостовой до крыши —
Площадь.
Но один в толпе — молчал.

Анатолий Пименов

Тайная операция НКВД

В годы Великой Отечественной войны происходило множество самых загадочных и невероятных историй. Уже сегодня у нас есть возможность оценить весь масштаб тогдашних событий и воспользоваться многими документами, которые ранее считались секретными и недоступными для общественного внимания. Но, к сожалению, даже сегодня таких документов очень мало, и огромные пласты информации практически не имеют неопровержимых доказательств и больше напоминают слухи.

В 1946 году, после завершения Нюрнбергского процесса, в американской жёлтой прессе появилась информация о якобы частично раскрытых секретных материалах, в которых говорилось об участии во Второй мировой войне «внеземного разума». Приводился текст донесения, представленный президенту Рузвельту председателем Комитета начальников штабов генералом Маршаллом. Документ гласил, что в ночь на 25 февраля 1942 года около 15 неизвестных летающих объектов совершили нападение на Лос-Анджелес. Объекты были приняты за японскую

авиацию, и в течение часа по ним было выпущено 1430 снарядов. Неизвестные летательные аппараты имели сферическую форму, и снаряды не смогли им причинить вреда, в то время как погибли шесть человек среди военных и разрушилось несколько зданий. Военная разведка смогла сфотографировать эти объекты довольно отчётливо и после тщательного анализа обратилась в военные ведомства других стран в надежде получить похожие снимки и материалы. Практически идентичные снимки НЛО нашлись в... советском НКВД. Вот только дата открытия дела, содержащего несколько фотографий и десятков томов секретных материалов советских спецслужб, была гораздо более ранней. А точнее, 1927 год.

Географическим местом обнаружения упавшего НЛО значился донской остров Зелёный. Некоторые журналисты и военные исследователи тут же провели исторические параллели и вспомнили, с каким невероятным упорством гитлеровские захватчики штурмовали позиции 230 стрелкового Краснознамённого полка войск НКВД СССР, бойцы которого защищали именно остров Зелёный. Существует действительный архивный документ от 1941 года за подписями начальника штаба 56 армии генерал-майора Арушаньяна и военкома штаба 56 армии полкового комиссара Брансбурга. В этом документе говорится: «Полк в течение 7 суток вёл ожесточённые бои за о. Зелёный, куда противник направлял наиболее яростные удары. Несмотря на явное превосходство противника в силах, огневых средствах, а также выгодные условия местности, полк мужественно и упорно защищал занятый им участок обороны. Потери полка убитыми и ранеными составили более 90% личного состава».

Военные хроники не слишком многословны, а 10% выживших и победивших врага впоследствии пали смертью храбрых в дальнейших ожесточённых боях. Но остались очевидцы, которые рассказали о подвиге советских солдат. Фашисты пошли в наступление 17 ноября и прорвали оборону на реке Тузлов. Первый подвиг бойцов 230 полка НКВД — сдерживание противника в районе переправы через реку. Всего лишь силами одного полка они обеспечили отход целой армии, пяти дивизий! Но следом за отступающими войсками по не взорванной переправе на задонский Зелёный остров прорвались немецкие танки. Не успев окопаться, по пояс в ледяной воде, воины 21 ноября целых шесть часов вели неравный бой с превосходящими силами противника.

Вооружённый лишь лёгким стрелковым оружием и гранатами, взвод старшего лейтенанта Бориса Голушко остановил танки. За эти шесть часов боя треть батальона погибла, а остальные удерживали позиции до 26 ноября и тоже почти все погибли. Наступление началось утром, и четыре роты выживших в боях за остров пошли в контрнаступление по ломкому донскому льду. Практически на вражеские пулемёты. И победили! Горстка наших бойцов опрокинула немцев и ещё трое суток вела ожесточённые бои. А 29 ноября Ростов-на-Дону был взят нашими войсками. Это стало первой большой победой с самого начала Великой Отечественной войны! В полку из 1217 человек, вступивших в бой, по данным историка Владимира Афанасенко, освобождению города смогли порадоваться меньше сотни оставшихся в живых однополчан из 230-го.

Ростов-на-Дону является воротами на Северный Кавказ. Ростовчане хранят множество легенд о своей земле. Так, местный «эзотерик» Олег Гайворонцев считает, что Ростов неспроста построен именно в точке пересечения 47 параллели и 40 меридиана. По его мнению, здесь, на большой глубине, находится некий древний объект внеземного происхождения. Есть свидетели того, что при строительстве кинотеатра «Ростов» в 60-е годы прошлого столетия был обнаружен подземный ход очень больших размеров, уходящий в некий подземный город. О том, что подземный город существует, знают многие горожане.

Но самым загадочным географическим объектом и поныне остаётся остров Зелёный. Старожилы рассказывают, что ещё до войны на острове работала секретная лаборатория, а сам остров охранялся очень тщательно. Местные организации уфологов и экстрасенсов якобы располагают материалами, подтверждающими, что в довоенное время в подземных выработках Зелёного острова хранился внеземной аппарат, потерпевший крушение над Медведицкой грядой и перевезённый на остров спецслужбами СССР. Самое интересное, что их мнение не расходится с предположением послевоенной американской прессы о неких «загадочных интересах» русских, с таким упорством защищавших Зелёный остров. И есть письменные свидетельства очевидцев тех событий, которые подтверждают, что, в то время как 230 полк НКВД стоял насмерть на пути немецких захватчиков, с самого острова в строжайшей тайне проходила эвакуация сек-

ретной лаборатории. Были замечены многочисленные единицы транспорта, вывозившие буквально из-под земли какие-то ценности. То, что это были не простые документы и оборудование, подтверждается сопровождением грузов штурмовой авиацией.

Эта история получила широкий резонанс и среди тех, кто просто увлекается загадочными случаями, и среди серьёзных исследователей военной истории. На канале НТВ в документальном сериале «Таинственная Россия» знакомство с аномальными явлениями началось именно с Ростова и его окрестностей. Был снят материал про Аксайские катакомбы, рассказывали про необыкновенные деформированные черепа, которые находили в подземельях, про потусторонние сущности, терроризирующие жителей Ростова. У самих ростовчан такие передачи смеха не вызывают, так как с детства слухи и разные истории были постоянным предметом таких разговоров. Создатели телепроекта утверждают, что существует легенда об инопланетной подземной базе в окрестностях Ростова, имеющая очень много подтверждений. А в глубинах Зелёного острова до сих пор хранятся обломки потерпевшей аварию летающей тарелки. Мнения несколько расходятся. Одни утверждают, что НЛО был привезён с Медведицкой гряды, а другие считают, что летающая тарелка потерпела крушение на самом Зелёном острове. После предполагаемой аварии войска НКВД оцепили район и частично вывезли части аппарата в Ростов, затем в Капустин Яр, а часть останков НЛО стали исследовать непосредственно на месте его крушения.

Андрей Городовой, представитель службы аномальных явлений Северо-Кавказского подразделения международной уфологической ассоциации в составе Московской академии информационной и прикладной уфологии, озвучивает версию крушения НЛО на самом Зелёном острове.

Можно было бы опять списать всю эту историю на любовь наших граждан ко всему тайному и неопознанному, но есть несколько очень интересных моментов.

В 1990 году в районе г. Учкудук (Узбекистан), по свидетельствам многих очевидцев, потерпел аварию НЛО. Была создана группа, задача которой состояла в тщательном анализе происшествия, и с места аварии взяли образцы грунта. В свежем изломе они имеют пористое, кавернозное строение, напоминающее пемзу. Стеклообразная фаза представляет собой аморфную

массу, от серо-зеленовато-голубого до чёрного цвета. Установлено наличие в образцах 21 химического элемента, а содержание кремния — более 50%. Сам НЛО либо был вывезен с места аварии спецслужбами, либо, как предполагает большинство участников комиссии, уничтожен собственной системой ликвидации. Явления, когда НЛО самоуничтожается, используя свою собственную энергию, описаны массово и в книгах, и в Интернете. Это считается одной из основных причин, почему не удаётся получить прямые доказательства аварии аппарата.

По мнению исследователей, НЛО был сожжён неизвестным способом, а образовавшаяся огненная масса типа плазмы опустилась на земную поверхность и постепенно остыла. Комиссия изучила эти материальные фрагменты НЛО. Они состоят из таких редкоземельных элементов, как церий (60-67%), лантан (11-30%), неодим (9%), празеодим, и из компонентов-сплавов: железа, магния, марганца (8-9%), кремния, алюминия, титана (1-2%), а также иттрия, цинка, кальция, циркония.

Позднее были взяты пробы грунта на Зелёном острове, предположительно в том месте, под которым, по мнению исследователей, должны были залегать останки ростовского НЛО. Тем более что приборы показали наличие под землёй больших пустот очень правильной формы. Анализы были сопоставлены и оказались практически идентичными! Кроме того, такие же анализы показали и пробы грунта с места аварии НЛО над Пятигорском. Специалисты говорят, что встретить такой состав грунта произвольно невозможно. Это закономерный феномен одного и того же явления.

Кроме необычного грунта, на острове Зелёный есть ещё немало загадок. Несколько раз там пропадали люди, а потом внезапно возвращались и не помнили, что с ними произошло. Западная часть острова очень труднопроходима: там густые леса, граница которых окаймлена деревьями, растущими к земле под углом 45 градусов. Это очень странное зрелище. На остров неоднократно высаживались многие экспедиции, в том числе и Всероссийское научно-исследовательское объединение «Космопоиск». Были обнаружены странные колебания земной коры, сигналы неизвестного происхождения и проявление «блудных мест», где человек теряет пространственную ориентацию.

Среди самих ростовчан ходят легенды о «чёрном камне» — некоем виртуальном объекте, который «показывается» на время, а затем исчезает. При этом камень излучает огромные волны негативной энергии, внушающей панику, депрессию и страх. Есть много свидетелей этого явления, но сам камень не обнаружен. Местные исследователи рассказывают про изменение силы гравитации на некоторых участках острова. Это выражается в лёгкости тела и поклажи и парении совсем лёгких предметов.

Сергей Удольцов, член самарской экспедиции ассоциации уфологов, составил карту таких мест. Он рассказывает, что уменьшение гравитации носит периодический характер. Словно по острову прокатывает волна, высвечивая определённые точки местности в определённое время. Растительность острова необычайно буйная и богатая. Некоторые деревья достигают гигантских размеров. Например, плоды местной вишни в 6 раз больше обыкновенных. Ростовчане их не едят, говорят, один раз поев этих ягод, человек заболевает неизвестной науке болезнью и умирает мучительной смертью. Интересно ещё и то, что в 1983 году на острове решили построить детский санаторий. Но после завоза материалов и возведения фундаментов построек работы прекратились — в почве нашли опасные для здоровья элементы, которые не встречаются на Земле в свободном состоянии.

Есть среди горожан и другие мнения. С 2009 года в городе организована группа «Родник», насчитывающая сегодня уже несколько сот человек. Люди проводят в самых заповедных частях острова целые недели, по словам одной из участниц, занимаются «расширением сознания» и медитациями, и несколько десятков человек даже вылечились от хронических заболеваний. Группа как бы хранит некую тайну острова и о многом не рассказывает чужакам. Люди улыбаются, говорят общие фразы и охотно поддерживают разговор на известные темы о чудесах Зелёного острова. Но стоит начать выспрашивать подробнее, общение моментально сходит на нет. Вступить в группу очень сложно. Как говорят сами практикующие, остров должен или принять человека, или отринуть его. Иначе не поздоровится. Большинство людей считает, что на острове сосредоточены «Силы тьмы» и что подземный объект продолжает каким-то образом действовать на людей и природу. Интересно, что многие члены группы приезжают сюда со своими кошками, которые в этих местах чувствуют себя превосходно!

Можно долго дискутировать на тему о секретной лаборатории НКВД на Зелёном острове. Но только исследователь с неопровержимыми фактами и научным подходом к делу, а также владеющий документальным материалом, может определить более точную вероятность происшедших событий.

А нам остаётся только вспомнить, что о явлении под названием НЛО было доложено самому Сталину. Чтобы внести ясность в этот вопрос, Сталин поручил выдающемуся математику Мстиславу Келдышу, химику Александру Топчиеву и физику Сергею Королёву разобраться и доложить. Учёные, рассмотрев проблему, предложили вождю начать специальное исследование подобных явлений. Был создан целый ряд программ по НЛО. До 90-х годов прошлого столетия в СССР над этими проблемами работали семь научно-исследовательских институтов и примерно десять военных секретных ведомств Министерства обороны, а курировал их специальный отдел КГБ. И как говорят блуждающие по Интернету отрывки некоторых документов, в 1948 году после специальной директивы Сталина в Подмоскowie доставили первый экземпляр НЛО. Возможно, тот самый, за который грудью встал 230 полк НКВД.

Вряд ли погибшие герои догадывались о секретных базах и лабораториях, они просто яростно защищали свою родную землю и свой народ, не щадя ни крови, ни жизни. А на мемориальном комплексе «Стела воинской славы» в Ростове-на-Дону высечено на камне наименование 230 стрелкового Краснознамённого полка войск НКВД СССР, бойцы которого почти все полегли в неравном бою с фашистами, навсегда покрыв себя славой. И заслужив вечную благодарность и любовь своего народа. ☐

АМЕРИКАНКА НА ФРАНЦУЗСКОЙ КУХНЕ

Евгения Гордиенко

Ж

енщин, умеющих неплохо готовить, в мире достаточно. Женщин, не умеющих готовить совершенно, ничуть не меньше. Как правило, из второй категории в первую они переходят довольно рано — обретя мужа или ребёнка. Просто потому, что деваться некуда. Но есть и другие женщины... Точнее, одна женщина. Она научилась готовить, когда ей было 37. И научилась это делать так, что и по сей день остаётся иконой для большинства американских домохозяек.

Её имя — Джулия Чайлд. И именно она научила Америку есть не только гамбургеры.

«Я работаю на правительство»

Джулия Мак Уильямс родилась в 1912 году в зажиточной калифорнийской семье. Как обычно и происходит в этом благодатном краю, девушка выросла высокой, статной, с огромной копной непослушных рыжих волос...

Закончив университет, Джулия нашла работу в рекламном отделе мебельной фирмы. Но для её деятельной натуры это было слишком скучно. И она пошла... в шпионки.

Сейчас, когда фигура миссис Чайлд вызывает столько кривотолков, уже кажется маловероятным, что в Отделе стратегической службы (будущем ЦРУ) она выполняла действительно секретную работу. Скорее ей приписывают эту пресловутую «работу на правительство», чтобы создать образ куда более

запоминающийся, нежели хорошая домохозяйка, умеющая правильно взбивать французский омлет...

Но факт остаётся фактом: на правительство Джулия действительно работала — подшивала документы. В качестве помощника референта она служила и на Цейлоне, и в Китае. Именно на Цейлоне Джулия и познакомилась с Полом Чайлдом, ставшим впоследствии её мужем.

Они встретились в 1944 году в полутёмном баре, где сотрудники Секретной Службы собирались вечерами. Пол Чайлд, фотограф и дизайнер, был новичком в этой компании и сидел в стороне. Внезапно над всеми пролетел мощный грудной голос Джулии: «Слушайте! Я так хочу есть, что у меня начали косить глаза! Я видела недалеко цейлонский ресторанчик, пахло там довольно соблазнительно. У кого хватит смелости?». Ответом ей было испуганное, сказанное хором «нет!». Но она воскликнула: «Пусть я умру, но умру сытой!» — и пошла к дверям вместе с горсткой смельчаков. Неожиданно для себя Пол поднялся и пошёл вслед за ними.

И пришёл в удивительно счастливый брак, продлившийся почти полвека.

Мистер Чайлд

Говоря о таком «явлении», как Джулия, нужно немного рассказать о том, кем был человек, превративший весёлую и взбалмошную мисс Уильямс в не менее весёлую, но очень целеустремлённую и последовательную миссис Чайлд.

Пол был старше Джулии на 10 лет и успел многое попробовать в жизни. Он рисовал для газет и журналов, делал гравюры, работал оформителем, а во время Второй мировой войны пошёл служить и попал в Индию, где в его обязанности входило оформление и проектирование военных штабов, кабинетов высоких армейских чинов и организация выставок.

На момент встречи с Джулией Полу было чуть за сорок, он свободно говорил на нескольких языках, а кроме того, был большим знатоком европейской гастрономии. Впоследствии он заразил своей любовью и Джулию...

После памятной встречи на Цейлоне Пол и Джулия стали встречаться и 1 сентября 1946 года поженились, после чего

переехали в Вашингтон. Даже несчастье, случившееся за день до свадьбы (жених и невеста попали в автокатастрофу), не смогло отменить церемонию.

В конце сороковых мистера Чайлда отправили в Париж в качестве сотрудника американского дипломатического корпуса. Естественно, Джулия отправилась за ним, чтобы стать добропорядочной посольской женой. Но вышло несколько иначе...

Любовь и палтус

Во Францию супруги прибыли морем, арендовали автомобиль и взяли курс на Париж. Но в пути ощутили голод и остановились в маленьком ресторанчике «Корона» близ Руана. Искушённый в гастрономии Пол заказал для супруги простейшее французское блюдо *sole meuniere* — палтуса, обваленного в яйце и в муке и зажаренного на сливочном масле. Джулия потом называла этот момент «праздником своего крещения». Ей настолько понравилась еда, что она решила научиться готовить французские блюда, ещё не подозревая, чем всё это обернётся...

Целеустремлённости миссис Чайлд было не занимать, и она отправилась сразу в лучшую французскую кулинарную школу — академию *Le Cordon Bleu*, где её учителем стал мсье Буньяр — классический образец шеф-повара. Немолодой, с огромными усами и свирепым взглядом, он регулярно отправлял приготовленные Джулией блюда в мусорное ведро, впрочем, поступая точно так же с «произведениями» большинства своих учеников. Однако именно его Джулия считала тем, кто открыл ей настоящую французскую кухню с её бесконечным количеством тонкостей и нюансов, с её ароматами, которых не найдёшь в пластиковых коробках, популярных в американских супермаркетах.

...Джулия училась упорно, но экзамен в кулинарной академии сдала только со второго раза. Она, как назло, забыла два рецепта, которые следовало знать наизусть. Рассердившись на саму себя, Джулия отправилась на кухню, приготовила те самые два блюда... и съела их!

Автор и просветитель

От своего учителя Буньяра Джулия переняла не только рецепты, но и способность учить. Она поняла, что достаточно разбить сложный процесс приготовления на простые этапы, и тогда всё станет если не легко, то хотя бы понятно.

Вот как, по её словам, Буньяр готовил классический омлет: «Сковороду поставил на слабый огонь и смазал маслом. Яйца не взбил, а лишь размешал, вылил в сковородку и стал пристально на них смотреть. Ничего не происходило. Все переглядывались. Прошло три минуты. Потом яйца начали густеть в крем. Буньяр стал мешать их вилкой, то снимая сковороду с огня, то снова ставя и приговаривая: «Рыхлость, мадам! Им нужна рыхлость! А вот теперь — сливки или масло». И вывернул омлет на тарелку с победным вскриком: «Вуаля!»

В Америке, откуда приехала Джулия, такого лёгкого и в то же время серьёзного отношения к еде не было никогда. Там ели разогретые продукты, всё: торты, желе, котлеты, — готовилось из полуфабрикатов. Готовка считалась тяжкой обязанностью женщины.

И Джулия Чайлд решила написать книгу о французской кухне для американок.

В соавторы она взяла двух своих соучениц по кулинарной школе — Симону Бек и Луизетту Бертолл. Рукопись книги «Осваивая искусство французской кухни» занимала 800 страниц. Увидев этот фолиант, издатель Кнопф воскликнул: «Если кто-нибудь купит книгу с таким названием, я съем свою шляпу!» Если бы ему пришлось выполнить это обещание, он бы съел немало шляп. Потому что Джулия Чайлд подарила Америке французскую кухню.

Её рецепты отличались чрезвычайной подробностью. Например, рецепт знаменитого мяса по-бургундски (*boeuf bourguignon*) занимал 10 страниц. Там детально рассказывалось, какой сорт мяса нужно взять и почему, почему нужно жарить мясо всего по несколько кусков на сковороде (чтобы они не варились), почему нельзя сразу класть всё масло (чтобы не горело), и так далее, и так далее...

В Америке книга имела бешеный успех, по ней действительно можно было научиться готовить. И Новый Свет начал готовить.

Популярность и кухня в музее

Джулия стала популярной. Однажды её пригласили в полу-часовое ток-шоу на телевидение. Она решила, что говорить полчаса — это скучно, привезла с собой плитку, сковородку, яйца и всю программу развлекала зрителей приготовлением французского омлета. Рейтинги били рекорды.

И у Джулии появилась собственная программа.

В шестидесятые был нужен такой персонаж, как Джулия Чайлд. Позитивная, смешливая, но в то же время классическая домохозяйка, не вливающаяся ни в одно «модное движение», она олицетворяла собой то, чего многим не хватало, — домовитость и естественность.

Последняя порой зашкаливала. Во время съёмок программы она могла задуматься, могла что-нибудь бормотать, могла шутить... Глядя на вываренный и вынутый из бульона марлевый мешочек с «гарни», она как-то сказала: «Похоже на дохлую мышь». В другой раз, в своей телевизионной программе «Французский шеф», Джулия сожгла кусок мяса и обратилась к зрителям со словами: «Если это случится с вами, не признавайтесь. Выбросьте в помойку и сделайте новый. Никто же вас не видит». В этот момент её передачу смотрели 7 миллионов человек.

Пол Чайлд, отойдя от дипломатических дел, во всём поддерживал Джулию: оформлял её программы, работал над ними наравне с ней и постоянно был рядом, что, наверное, ценнее всего...

Муж был старше Джулии на 10 лет и ушёл на 10 лет раньше. Его не стало в 1994 году. Оставшиеся годы миссис Чайлд (уже легенда) провела там, где родилась, — в Калифорнии. В августе 2004 года готовились справлять 92-й день её рождения. На 15 августа готовили (под надзором хозяйки) невероятный пир. Друзья уже слетались со всех концов Америки и из Франции. Но в ночь на 13 августа Джулия умерла во сне.

Пир решили не отменять — друзья плакали и смеялись, ели знаменитые блюда Джулии и были уверены, что всё это она подстроила нарочно...

О Джулии Чайлд продолжают помнить. В 2009 году вышел фильм «Джули и Джулия», рассказывающий её историю. Под конец жизни кухню миссис Чайлд перевезли в Музей американской истории Смитсоновского института. Ни в одном музее мира нет такого экспоната — памятника женщине, научившей готовить целую нацию.

Р.С. Ну, и напоследок знаменитый рецепт Джулии Чайлд —
мясо по-бургундски.

Потребуется:

Бекон (грудинка) — 250 гр

Говядина (вырезка) — 1 кг

Масло оливковое — 1 ст. л.

Морковь (крупная) — 1 шт.

Лук репчатый (крупный) — 1 шт.

Соль — 1 ч. л.

Перец чёрный молотый — 1 ч. л.

Мука пшеничная — 2 ст. л.

Вино красное (сухое) — 750 мл

Томатная паста — 1 ст. л.

Бульон — 500 мл

Мясо режем кубиками, приблизительно 3х3 см, просушиваем на бумажном полотенце.

Бекон тонко режем и опускаем в кипящую воду на 10 минут. Бульон сливаем. Разогреваем сковородку и обжариваем в оливковом масле полосочки бекона приблизительно 2—3 минуты. Выкладываем в жаропрочную форму.

В оставшийся жир выкладываем мясо, оно поместится не всё, поэтому разделим на две части. Обжариваем со всех сторон. Перекладываем в форму к бекону.

В оставшемся на сковороде жире обжариваем мелко нарезанные лук и морковь.

К мясу добавляем обжаренную морковь с луком. Добавляем соль, хорошо перемешиваем. Теперь добавляем муку и опять хорошо перемешиваем. Ставим в разогретую до 200 градусов духовку на 4 минуты. Опять хорошо перемешиваем — и снова в духовку на 4 минуты. Переключаем духовку на 160 градусов.

Достаём форму, вливаем вино, бульон и томатную пасту. Опять хорошо перемешиваем, закрываем крышкой и ставим в нижнее отделение духовки томиться на 2,5 часа.

И, как говорила Джулия в конце каждой своей программы, *bon appétit!* ☞

Фра Филиппо Липпи. «Мадонна с младенцем и двумя ангелами», 1457 г.

ФРА ФИЛИППО ЛИППИ И ЕГО МАДОННА

Ирина Опимах

Попав в галерею Уффици, невозможно пропустить работы замечательного флорентийца, выдающегося художника раннего Возрождения Филиппо Липпи (1406-1469), среди которых выделяется небольшая, но очень трогательная, искренняя, удивительно лиричная, написанная явно с большим чувством картина — «Мадонна с младенцем и двумя ангелами». Мы видим на ней совсем не Богоматерь, а молодую флорентийку, очаровательную, милую женщину, преданную мать с ребёнком на руках. Светлые волосы, вуаль, украшающая головку женщины, красивое элегантное платье, вполне соответствующее веяниям моды второй половины XV века. Мадонна — это Лукреция Бути, жена Липпи, а на её руках — его сын, будущий художник Филиппино (маленький Филиппо). А нашёл Липпи ту, что стала его Мадонной и матерью его детей, среди монахинь небольшого провинциального монастыря. Нашёл и похитил! Случилось это в 1456 году. С тех пор все картины Липпи на божественные сюжеты стали, по сути, страницами его семейного альбома, на ко-

торых он с упоением изображал свою любимую и своих детей...

Фра Филиппо Липпи был известной фигурой во Флоренции. Многие восхищались его творениями, ему покровительствовали могущественные Медичи, самые высокородные аристократы считали за честь приобрести его работы. Именно его полотна герцог Козимо Медичи отправил в дар Папе в Рим. Но о фра Липпи говорили не только в связи с высоким искусством. Не отличавшихся высокими моральными устоями флорентийцев забавляли любовные приключения этого очень необычного, весёлого, как его звали, монаха Липпи. Флорентийцы хорошо знали, что, стоит художнику увидеть прелестное личико, он забывает обо всём! Почувствовав страсть, этот не отличавшийся благочестием монах был готов на любые подвиги, лишь бы завоевать понравившуюся ему даму. А уж устоять перед его очарованием не могла ни одна, даже самая знатная сеньора!

В 1455 году монахини женского монастыря Санта Маргерита в Прато заказали Липпи лик Пресвятой Девы для алтаря монастырской капеллы. Несомненно, и до этого маленького городка докатились слухи о похождениях фра Филиппо, однако настоятельница Санта Маргерита не очень волновалась, полагая — и вполне справедливо, — что заполучить такого известного мастера в её скромную обитель — большая удача, настоящий подарок Господа. Теперь росписи в их капелле будут не хуже, чем в храмах Флоренции! Кроме того, художник всё-таки монах, да ещё далеко не юн, стало быть, его можно не опасаться, ведь, согласитесь, пустить мирянина в женский монастырь гораздо опаснее! К тому же он оказался таким милым, энергичным, остроумным и совершенно очаровал настоятельницу. Она предоставила ему удобную келью, а монахини подготовили место для работы.

На следующий же день после приезда Филиппо взялся за дело. Он трудился до самого позднего вечера, даже обедал в мастерской. Не лишённая практической жилки мать-настоятельница была довольна — фра Филиппо напишет для капеллы лик Мадонны с младенцем, который привлечёт в монастырь новых прихожан, что не только упрочит их веру, но и повлечёт рост доходов монастыря.

Но через пару дней художник обратился к настоятельнице с просьбой: «Мне нужна натурщица. Трудно рисовать Мадонну, не имея перед глазами живой модели».

Настоятельница заверила художника, что тут у него проблем не будет — он может выбирать любую из монахинь или послушниц Санта Маргериты.

Внимательно осмотрев всех обитательниц монастыря, Липпи выбрал семнадцатилетнюю Лукрецию Бути. Она была очаровательна: большие выразительные глаза, светлые вьющиеся волосы, высокий лоб, мягкая улыбка — то, что ему надо! Отец девушки отправил её в монастырь в трудные для семейства Бути времена, и она уже смирилась с судьбой, сулившей ей размеренное, скучное существование послушницы, как вдруг всё резко изменилось. Этот странный монах-художник, работавший в их монастыре, захотел, чтобы Лукреция позировала ему для образа Девы Марии! Конечно же, она не возражала — всё веселее, чем нести ежедневную службу Господу!

На следующее утро девушка пришла в мастерскую художника. Он уже ждал её. Усадив в кресло, сказал, как повернуть голову, куда положить руку, и взялся за кисть. Работа не прерывалась ни на минуту — даже еду им приносили к дверям мастерской. Вскоре образ Богоматери для алтаря был готов. Монахини с изумлением узнали в прекрасной Мадонне черты послушницы Лукреции Бути — те же огромные глаза, светлые локоны, пленительная, чуть загадочная улыбка. «Пожалуй, в Деве Марии слишком много плотского, земного. Поглядите только на эти чувственные губы — они словно ждут поцелуя!» — говорили смиренные монахини, понимая, что кистью художника двигало не только благочестие.

Закончив алтарный образ, Липпи попросил разрешения сделать для монастыря ещё одну работу — «Пир Ирода», причём Саломею он тоже хотел писать с Лукреции. Несколько лет назад, сообщил фра Филиппо настоятельнице, он использовал этот сюжет для картины, подаренной самому Папе, и тогда художнику позировала одна из самых известных красавиц Флоренции. Конечно же, настоятельница с благодарностью согласилась.

И снова потянулись дни наедине с юной моделью..

Между тем дело продвигалось, возникала поразительная по своей красоте фреска, на которой ожили и танцующая Сало-

мея, и пирующие придворные Ирода, и сама Иродиада, и две обнимающиеся красавицы в правой части фрески. Среди гостей царя Ирода Филиппо изобразил себя и благородного прелата мессира Карло, незаконного сына Козимо Медичи. Так же прекрасна была и другая фреска, на которой художник изобразил погребение святого Стефана: стройная композиция, глубокая перспектива, яркие портреты...

О чём они говорили, художник и его модель, во время долгих часов работы, когда создавались эти шедевры? Наверное, Филиппо рассказывал юной послушнице о Флоренции, о шумных городских площадях, о жизни флорентийской знати, об их пышных празднествах... Говорил и о себе — о том, как, рано лишившись родителей, воспитывался в доме тётки, сестры отца, как отдала она его, восьмилетнего мальчика, в кармелитский монастырь недалеко от их дома, как в пятнадцать лет, в 1421 году, он стал монахом и как, увидев росписи капеллы в церкви Кармино, сделанные рукой гениального Мазаччо, полюбил искусство, решив посвятить ему всю свою жизнь... Наверное, рассказывал и о многочисленных своих приключениях, к примеру, о мавританском пленении. Вот как это произошло. Когда Филиппо было 25 лет, он решил с друзьями выйти в море на лодке. Прогулка закончилась трагически — на них внезапно напали пираты-мавры, взяли в плен и выгодно продали молодых итальянцев в рабство. Липпи пришлось пережить восемнадцать долгих мучительных месяцев — месяцев страшных лишений, побоев, голода, нестерпимых унижений. Трое его товарищей, не выдержав, умерли, а Филиппо повезло — художнику помог его талант. Даже там, в рабской неволе, каждую свободную минуту он старался рисовать — чем угодно, что попадёт в руки — куском земли, глины, угольком. И как-то на светлой стене жалкой лачуги, где он ютился вместе со своими друзьями по несчастью, появился портрет их грозного хозяина. Когда тот зашёл в жилище рабов, то, подняв глаза, буквально замер от изумления — перед ним было его собственное изображение во весь рост, в роскошном мавританском одеянии. Потрясённый мавр приказал тут же освободить художника, а после того как Липпи написал для него несколько картин, велел доставить Филиппо в Неаполь, ко двору короля Альфонса, герцога Калабрийского. Вскоре, украсив своими полотнами стены замка герцога, Липпи вернулся

в родной город. Но вот истории о том, как порой мешала ему его пылкая натура и как герцог Медичи усмирал его неуёмный темперамент и приверженность к женской красоте, он вряд ли рассказывал. А ведь однажды, как повествует Вазари, когда Липпи трудился в доме Козимо Медичи, тот, зная о слабостях своего любимого художника, запер его в мастерской, чтобы монах не выходил на улицу и сосредоточился на работе. Однако Липпи после двух дней затворничества нарезал ножницами простыни, связал верёвку, спустился по ней через окно, обрёл вожделенную свободу и принялся изо всех сил наслаждаться жизнью. Козимо же, не найдя художника в комнате, страшно перепугался, ведь Липпи мог разбиться, выбираясь из дома таким необычным путём. Герцог велел слугам срочно разыскать Филиппо и вернуть его во дворец. Впредь, пишет Вазари, мудрый Козимо старался удерживать художника исключительно «своими милостями, и этим добился от него большей исполнительности, говоря, что в своём превосходстве редкостные таланты подобны небожителям, а не вьючным ослам». Эта история не помешала Филиппо, несмотря на отнюдь не монашеское поведение, пользоваться покровительством семейства Медичи и получать от них заказы на протяжении всей своей жизни.

Наверное, увлекаясь, Липпи в своих рассказах много фантазировал, но он так старался произвести впечатление на девушку, всё больше попадая под её очарование! Вскоре он уже не мог себе представить, что эта красавица, столь желанная, столь пленительная, проведёт всю свою жизнь в стенах монастыря, вдали от земных радостей. И решил, что похитит её у Бога, чего бы это ему ни стоило! Прекрасная Лукреция будет его женой, матерью его детей, поклялся пылкий фра Филиппо, забыв обо всём — о своём сане, о своём возрасте. В 50 лет он был так обаятелен и страстен, к тому же так талантлив, что Лукреция тоже серьёзно увлеклась художником и согласилась бежать с ним из монастыря.

Они долго планировали побег и решили, что удобнее всего осуществить задуманное на праздник выноса пояса Пречистой Девы Марии, самой почитаемой реликвии Прато. Посмотреть на неё в городок съезжались паломники со всей Италии. В праздничной процессии должны были участвовать и обитательницы монастыря Санта Маргериты. И вот, когда монахини медленно

двигались по узким улочкам города, Лукреция, улучив удобный момент, незаметно отстала от своих подруг, смешалась с толпой и побежала туда, где её уже ждал Филиппо.

В монастыре после исчезновения юной послушницы разразился страшный скандал. Отец юной красавицы сеньор Франческо пришёл в ярость. Легко представить, какие письма он писал, заклиная дочь вернуться в монастырь и отречься от греховной связи с этим распутным монахом Филиппо, по сравнению с её молодостью просто дряхлым стариком! Но девушка наотрез отказалась покинуть Липпи. Теперь только ему принадлежала её жизнь. Она останется с Филиппо, несмотря на то что он монах, и может случиться так, что она никогда не будет его законной женой. Пусть люди их осуждают, зато милосердный Господь обязательно простит.

Липпи пишет покаянное письмо в родной монастырь, а могущественному герцогу Козимо посылает картины, на которых Лукреция в образе Богородицы несёт людям мир и любовь. Картины понравились, и Козимо простил своего лучшего художника. Постепенно скандал затих, и Липпи снова мог работать. Заказов, как всегда, было хоть отбавляй.

В 1457 году у невенчанной четы Липпи родился сын Филиппино, маленький Филиппо (в будущем тоже замечательный живописец). Теперь Лукреция позировала художнику с сыном на руках. Примерно в это время и была написана и подарена Джованни Медичи чудесная картина, та самая «Богородица с младенцем и двумя ангелами», что ныне украшает собрание Уффици.

В 1461 году Папа Пий II, вняв мольбам художника и проявив высочайшую мудрость, наконец-то снял с него сан и освободил от монашеского обета. Наверное, посчитал, что, уйдя в мир, Филиппо станет ближе к Богу.

Через пять лет после побега из монастыря Лукреция Бути стала законной женой Филиппо Липпи. А в 1465 году у счастливых супругов родилась и дочка, Александра.

Липпи был счастлив — любимая женщина с ним рядом, дети растут и, наконец, окончательно урегулированы отношения с Церковью. В эти годы художник переживает пик своего творчества. «Он писал так изящно и так прекрасно, как лучше и не сделаешь, — говорит Вазари. — В общем же он был таков,

что в его время его не превзошёл никто, а в наше — немногие, и Микеланджело не только постоянно его прославлял, но и подражал ему во многих вещах».

Этот жизнерадостный, весёлый, лёгкий в общении человек, проживший большую часть своей жизни как монах, не только умел и любил работать, но и понимал толк в радостях вполне мирского характера.

В 1469 году, когда художнику шёл уже 64-й год, коммуна города Сполето попросила Липпи расписать капеллу в местном соборе Богоматери. Филиппо взял с собой своего друга и ученика фра Диаманте и отправился в Сполето. Он торопился — во Флоренции его ждали другие заказы — и работал как одержимый. Однажды Диаманте удалось уговорить его выйти прогуляться. Покинув собор, приятели забыли обо всём и гуляли почти целую неделю. После этого загула Филиппо неожиданно для всех скончался — видимо, сердце не выдержало нагрузок.

Он был похоронен в Сполето, в том самом соборе, где и сейчас можно увидеть последние работы выдающегося флорентийца. Его прах покоится в величественной гробнице из красного и белого мрамора, сделанной по указу внука Козимо Медичи, известного покровителя художников и поэтов герцога Лоренцо, вошедшего в историю под именем Лоренцо Великолепного. И теперь путешественники, приезжая в Сполето, обязательно приходят в Дуомо полюбоваться фресками Липпи, а стоя у гробницы фра Филиппо, вспоминают его пленительных мадонн...

Жива память о художнике и в Прато, городе, где он встретил свою любимую. Здесь туристам показывают площадь, названную его именем, дом, где он жил с Лукрецией и где родился его сын. Дом, где он был счастлив...

Среди множества замечательных художников столь богатой на таланты эпохи раннего Возрождения флорентиец Филиппо Липпи занимает весьма достойное место. Люди помнят его, а ещё помнят имя его любимой, его Мадонны, ведь именно эта женщина — чистая, жертвенная, преданная — вдохновила Липпи на создание замечательных картин, воспевающих Любовь и Красоту уже более пяти столетий... ❧

Елена Логунова

Гагарин

П

етрович накрыл ладонями чадающий костерок и зажмурился от дыма и удовольствия. Языки пламени потянулись лизнуть задубевшую кожу, и это было как ласка — преступная, случайная и заведомо короткая. Вот-вот кто-нибудь увидит на сизом металлическом экране забора отсветы огня, и тогда поджигателя прогонят криками, а то и тумаками.

— Ах ты, сволочуга, пьянь подзаборная, опять за своё!

Петрович выдернул руки из жаркой вонючей пасти контейнера, ссутулился и заторопился прочь, приволакивая ноги в разбитых башмаках.

— Нет, вы только посмотрите, люди добрые, что делается! — возмущалась какая-то крикливая баба. Её массивное тело в белом халате наполовину заполнило собой окно пищеблока. — Этот бомжара, тварь вонючая, опять нашу мусорку подпалил!

— Вера Ивановна, немедленно прекратите ругаться, у нас тут дети! — привстав на цыпочки, строго бросил в открытую форточку главврач Семин.

— Дети, — эхом повторил Андрей, не отрывая взгляда от силуэта в жёлтом прямоугольнике другого окна.

Здание Центра построили «книжкой», и из кабинета главврача хорошо просматривалась палата, расположенная под углом.

— Ему спать не пора? — не оборачиваясь, спросил Андрей доктора.

Фантомас уже с полчаса неподвижно сидел на подоконнике, глядя в ночь, где не происходило ничего интересного.

— Не хочет, — вздохнул Сёмин.

— Да он ничего не хочет! — раздражённо проговорил Андрей.

Он видел, что коробка с очередной новой игрушкой стоит на полу возле кровати. Фантомас её даже не распаковал.

— То-то и оно! — снова вздохнул доктор.

Андрей выругался гораздо круче, но много тише, чем Вера Ивановна, и прижался лбом к холодному стеклу. Мальчик на подоконнике был похож на изящную статуэтку: хрупкие плечи, тонкая шея, аккуратные уши, лысая голова. Отсутствие бровей и ресниц подчёркивало чистоту и гладкость восково-жёлтой кожи. Андрей закрыл глаза и тихо спросил:

— Серёжа, сколько ещё?

— Андрюша, дело не в деньгах, ты же знаешь, мы делаем всё возможное!

— И я не о деньгах! — Андрей обернулся, сверкнул глазами. — Я спрашиваю, сколько ему осталось?!

— Бог знает, — отвёл взгляд в сторону Сёмин. — Беда в том, что он уже не хочет бороться.

— Он ничего не хочет, — повторил Андрей и снова посмотрел на сына.

Семь лет. Всего семь! Господи, как ты бываешь несправедлив!

Угловатая фигурка на подоконнике поменяла позу. Теперь Фантомас стоял на коленях, прижавшись лицом к стеклу. Под жёлтыми ладонками и расплюснутым в пяточок носом расплылись туманные пятна.

— Куда он так засмотрелся? — удивился доктор Сёмин.

Зимой роскошные больничные клумбы прятались под снегом, и на лавочках в поздний час не было ни души.

Но кто-то же запустил эту штуку?!

Призрачно белея в темноте, в звёздное небо медленно возносился большой целлофановый пакет. Под ним, распухшим, как подушка, яркой звёздочкой горел живой огонёк.

Андрей дёрнул раму и настежь распахнул окно. Подхваченные ветром, со стола доктора вспорхнули бумаги, и стало слышно, как в своей палате смеётся Фантомас.

«Летательный аппарат» прошёл совсем близко, и Андрей успел разглядеть и сам пакет (большой мешок для мусора!), и подвешенную под ним на тонких стропах-проволочках горелку — доньшко пивной жестянки.

— О-бал-деть! — запрокинув голову, восторженно произнёс по слогам доктор Сёмин.

Андрей скользнул изумлённым и недоверчивым взглядом по расплывшейся в широкой улыбке мордашке Фантомаса и выбежал из кабинета, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

— Андрей Палыч, куда?! — спохватился сгучавший в коридоре водитель-охранник.

— Витя, давай за мной! — на бегу скомандовал Андрей и, проскочив мимо лифта, запрыгал вниз по ступенькам.

Старик на балконе пятиэтажки докурив сигарету и по крутой дуге отправил бычок к земле — как будто самолёт пошёл на посадку. Петрович запомнил место его приземления, выждал немного и пошёл подобрать окурочок. В этот момент во двор влетели и закружились вокруг чадающего мусорного бака два мужика. Петрович прижался к стене и бочком двинулся вдоль неё к выходу со двора.

— Стой! — заметив движение, гаркнул, как выстрелил, один из мужиков.

Петрович замер и зажмурился.

— Витя, не бей его! — подоспел второй мужик.

Он был постарше и вполне прилично одет. Только весь какой-то расхристанный, запыхавшийся, с глазами, как у больной собаки.

— Твоя работа? — указательным пальцем мужик потыкал вверх.

— Нет-нет, это не я! — забормотал Петрович.

— Ага, не ты! Ври больше! — громко фыркнул мужик помоложе.

— Я больше не буду! — жалко скривился Петрович.

— Ещё как будешь! Витя, в машину его! — мужик постарше повернулся и зашагал в темноту.

— Андрей Палыч, он же грязный! — возмущился молодой.

— Отмоём! — донеслось из темноты.

— Что касается моего вчерашнего распоряжения... — не договорив, Андрей покосился на скрипнувшую дверь.

Возникший на пороге Витя многозначительно пошевелил бровями и глубоко кивнул.

— Так, все свободны! — Андрей поспешно встал и в обход просторного стола для переговоров двинулся к двери.

По коридору он почти бежал, наступая на пятки Виктору, а в машине сразу же достал мобильник.

— Серёжа, это просто невероятно! — загудел в трубке густой бас доктора Сёмина. — Они его склеили! Честно говоря, я сомневался, но эта штука и вправду похожа на шар, только бумажный, и он уже просох, и всё готово, и ты давай поторапливайся, потому что Петрович уже идёт разжигать костёр, и... Мне отпустить с ним Мишу? Он очень хочет!

— Я сейчас! Пять минут! — радостно проорал в трубку Андрей и от избытка чувств подпихнул локтем улыбающегося водителя. — Витя, прибавь газу, а то опоздаем! Ты слышал? Он очень хочет! Понимаешь? Хочет! Очень!

— Я понял, Андрей Палыч, понял, долетим, как на ракете! Они успели вовремя.

С сияющими глазами, с отмытым и выбритым лицом, Петрович с хрустом ломал картонные коробки. Рукава нового свитера он закатал повыше и старался не прислоняться к мусорному контейнеру животом. Одетый в тёплую курточку Фантомас стоял рядом, с благоговейным восторгом взирая на рукотворное чудо — похожий на шар многогранник из папиросной бумаги. Чудо, широко растопырив локти, держал доктор Сёмин. Лицо у него было напряжённое и сосредоточенное, как во время серьёзной операции.

— Вить, спички есть? — на ходу хлопая себя по карманам, спросил Андрей.

— Зажигалочку могу!

— Мы сами! — отказался от помощи Петрович. Он уже не робел в их присутствии и говорил достаточно уверенно и веско.

— А мы тоже хотим поучаствовать! — возразил Андрей и подмигнул Фантомасу.

— Тогда держите вот это, — Петрович сунул в руки Виктору жестяную трубу. — Ровно держи, прямо над костром!

— Горячий воздух по трубе зайдёт в шар, и он полетит! — оживлённо сообщил отцу Фантомас.

— Конечно, полетит! — Андрей рукой взлохматил меховую оторочку на капюшоне детской куртки и решительно шагнул к мусорному баку. — Так, а мне что делать?

— Вы вот это колечко фиксируйте! Миша, иди сюда тоже, будешь стропы держать... Доктор, наша с вами задача — расправлять оболочку, понятно?

— Понятно! — заметно напрягся доктор Сёмин.

— Ты, с трубой! Ровненько держи... Ну, приступим!

— А не подпалим? — опасливо пробормотал Сёмин.

Тонкая бумага сделалась желтовато-розовой и тёплой, шар зашевелился, потихоньку натягивая стропы.

— Как живой! — восхищённо прошептал Фантомас.

— Ах вы, сволочи, морды пьяные, опять нашу мусорку подожгли?! — донеслось из-за забора.

— Вера Ивановна, заткнитесь! — не отрывая глаз от шара, рывкнул главврач.

Вера Ивановна послушно заткнулась.

— Отпускай! — скомандовал Петрович, и бело-золотистый шар гигантской медузой поплыл ввысь.

— Красота необыкновенная! — провожая его взглядом, растроганно проговорил водитель Витя.

Андрей смотрел на сына. Фантомас смеялся, бил в ладоши и даже подпрыгивал.

— А в другой раз вы сделаете ракету! — сказал Андрей и требовательно посмотрел на Петровича. — Ведь сделаете же?

— Отчего же не сделать? Сделаем, — пожал тот плечами. — Бумага понадобится, картон тонкий, клей, фольга алюминиевая... Что ещё... Ага, липкая лента или пластырь...

— Будет вам пластырь! — кивнул доктор Сёмин.

— Трубочка пластмассовая, пробка, скрепки, гвоздик, винтик и гайка, — добросовестно продолжал перечислять Петрович. — Ну, и пара шариков воздушных — для двигателя.

— И полетит? Прямо в космос полетит?! — восхитился Фантомас.

— Хочешь в космос — полетит в космос! — пообещал Андрей и осторожно обнял сына за хрупкие плечи.

— Ну всё, кому-то пора в палату! — кашлянув, сказал доктор Сёмин.

— Дядя Юра, а вы завтра придёте? — Фантомас настойчиво потянул Петровича за едва раскатанный свитерный рукав.

— Конечно, придёт! — поспешил ответить Андрей. — И завтра, и послезавтра... У дяди Юры теперь такая работа будет. На каждый день.

На крыльце центра они расстались — доктор Сёмин повёл Фантомаса в палату, Андрей и Виктор пошли к машине.

— Ну? Чего стоим? Шагом марш за мной! — Андрей обернулся к замявшемуся Петровичу.

— Да я... Это... Ну, спасибо! — заторопился тот.

Белое пятнышко в чёрном небе видно было и из окна машины.

— У тебя вообще документы-то какие-нибудь есть? Или надо делать? — помолчав, спросил Петровича Андрей.

— Так нету... — перестав быть главным, Петрович снова робел и смущался.

— Ясно, — Андрей потянулся за телефоном. — Ладно, это мы решим... Как зовут?

— Так это...

— Забыл, что ли? — хмыкнул Андрей и деловито заговорил с кем-то в трубке. — Владимир Андреич, приветствую тебя! Помощь твоя нужна, буду очень обязан. Тут один хороший человек документов лишился, надо бы ему паспорт сделать... Как зовут?

— Так Петрович...

— Юрий Петрович! — с нажимом подсказал водитель Витя. — А фамилия?

— Так это...

— Юрий Петрович его зовут! — громко повторил Андрей для своего телефонного собеседника. — А фамилия...

Он покосился на второго пассажира и ухмыльнулся:

— Ты не поверишь, Владимир Андреич, Гагарин его фамилия! Юрий Петрович Гагарин. Да, почти как космонавт.

— Поехали! — широко ухмыльнулся водитель Витя и нажал на газ.

На светофоре как раз загорелся зелёный. ◻

В этом номере мы решили опубликовать письмо москвички **Ярыгиной Галины Васильевны**, потому что её стихотворные строчки пронизаны особой горечью и болью, а главное, памятью о далёких суровых военных днях. Те, кто отдал свои жизни ради нас, ради будущего, ради вечной Весны мира, никогда не будут забыты. Герои не умирают, они и сегодня живут в каждом, у кого по-настоящему бьётся сердце и болит душа за свой народ, за свою страну.

Я слёзы лью,
Там, где росла трава когда-то,
Могила Неизвестного Солдата,
Быть может, моего отца.
Но нет ни имени, ни рода, ни лица,
Ни сколько лет, ни кем он был.
Я не хочу,
Я не могу, чтоб кто-то позабыл
На той земле, в которой он лежит,
Кто он такой и что здесь сторожит.
Ну разве неизвестный он? Ответьте!
Быть может, он простился на рассвете,
А вечером погиб за землю, на которой вы стоите.
Солдата неизвестным не зовите.
Возможно, не было бы нас,
Когда бы он в свой смертный час
Не выстоял. А к Родине нетленной,
Истерзанной, израненной, военной,
Громя и руша всех смертей союз,
Его геройское прощальное летело:
«Я умираю, но вовсе не сдаюсь!»

Юрий Ханов

Как в сказке

*«В любом пиру под шум и гам
Ушедших помяни;
Они хотя незримы нам,
Но видят нас они».*

И. М. Губерман

П

росыпается Николай Васильевич рано. По давней привычке делает лёжа зарядку — разминает все суставы, каждую косточку, растирает каждый сантиметр обвисшей и высохшей кожи, отощавших мышц. Занятие это неспешное, и, пока оно исполняется, Николай Васильевич столь же неспешно размышляет. Тоже зарядка — для мозгов. Каждый день об одном и том же — о жизни и смерти своей. О жизни всё меньше — что о ней думать? Восемьдесят с лишком, слепой, больной... О смерти — другое дело. Беспокойство вызывает у него это неминуемое событие, если на него смотреть с позиции причинения хлопот близким. Надо постараться всё предусмотреть и заранее, без суматохи всё верно распределить.

Вот помрёт он. Что главное? На каком кладбище лечь. На деревенском — Любе будет далеко ездить на могилу. Зимой — без дороги, а в грязь и хлябь как добираться с её давлением? Каждый раз ребят просить, чтоб на машине... А у них свои дела. Она, значит, будет мучиться, а он — отдыхать... Нескладно. Если же на городском — тут из родни никого нет. С другой стороны, Любе удобнее — «Газель» прямо до ворот, и дорожки там чистят. Надо подумать...

Странное дело, размышляя об этом, Николай Васильевич всегда полагает, что первым помрёт он, а уж потом, спустя долгое время, — она, Люба.

С этих мыслей и начинается каждый день Николая Васильевича.

Когда он заканчивает зарядку и холодное обтирание, Любовь Ивановна зовёт его завтракать. При встрече они мимолётно касаются друг друга.

Позавтракав, Николай Васильевич надевает кургузый пиджачишко, картуз, самодельные, на собачьем меху, чуни и выходит справлять дела по хозяйству. Кур накормить, в огороде прополоть вместо Любы, чтоб не студила коленки, — ей нельзя наклоняться из-за давления. Ещё нужно отбить косу, крапиву скосить у забора, навесить сорванный крючок на калитку. И многое другое, чего требуют дом и обширное хозяйство.

Самая же увлекательная работа — профилактика домашнего парового котла. Николай Васильевич постоянно мёрзнет, даже в летнее время, и пользуется котлом круглогодично, поэтому и уделяет его техническому состоянию повышенное внимание. Кроме того, проработав шофёром больше пятидесяти лет, он всю жизнь тяготеет к всевозможным механизмам, отлично разбирается в них и может вслепую наладить любой.

За нескончаемой работой Николай Васильевич продолжает свои утренние думки.

Взять, к примеру, простое дело — гроб. Не забыть сказать Вовке, чтобы взял обычный, в кумаче, без лакировки и золочёных ручек. И чтоб могилу копать позвал ребят из автоколонны. Чай, помнят его, сделают всё как надо. И водки на поминки на-таскать заранее, дорожает она. Народу-то припрётся сколько... Непьющих нет...

Да! Ещё не забыть у крыльца корыто с водой поставить и щётку — обувь помыть, когда с кладбища вернутся. Это пусть Надя проследит, Любе не до того будет...

Ещё дело. Позвонить или лучше самому сходить в уличком, чтобы пару машин щебёнки привезли, рытвины на дороге к дому засыпать...

Трудится Николай Васильевич обычно до обеда. Изредка прерывает свои занятия, посидит на крыльчке с радиоприёмником,

послушает новости — и местные, и центральные, сокрушённо покачивая головой.

Любовь Ивановна никогда не проверяет сделанного им. А только, как придёт он со двора, сядет в кухоньке на краешек табуретки да снимет свой картуз, она поставит перед ним кваску его любимого и непременно ласково скажет:

— На вот, попей. Уморился, поди. Всё так ладно сделал — Вовку просить не надо. Молодец, Коленька.

А тот засмущается от самой дорогой похвалы — слёзы выступят, щёки порозовеют, как у пацана, — и проведёт по стриженному затылку заскоружлой пятернёй...

После обеда Николай Васильевич отдыхает, иногда засыпает на часок, чаще — слушает радио. Когда не хочется лежать, садится рядом с Любой, и она рассказывает ему поселковые новости. В основном о том, кто помер или скоро помрёт. Позавчера, например, схоронили его дружка по колонне, Федьку Барабулькина. Хороший был мужик. В рейсе на пару с ним было надёжно. На трассе ведь всякое бывает. Под Уфой однажды еле отбились монтировками...

— Царство небесное, — говорит Николай Васильевич и отправляется к себе в комнату.

Новость вернула его мысли в привычное русло. Неожиданно подумалось: «А вдруг... если Люба вперёд меня? Как я буду к ней слепой добираться? Кто за мной смотреть будет? Конечно, дети не оставят... Но... для кого тогда жить?»

Озадаченный по-новому, Николай Васильевич прикидывал и так и эдак. Чтобы ребятам проще... И самим. И ничего не придумывалось лучше, как взять да помереть с Любой в один день. Разом. И в одиночку на могилу ходить не придётся, и ребятам легче — надоели им, чего уж говорить. Всё учишь-учишь, старый хрен, а кого, подумать головой, учишь — у них уже свои внуки.

По всему и впрямь выходило, что лучше некуда — оба враз, как в сказке: «Жили долго и счастливо и умерли в один день...»

В первый раз я попал в палату с Николаем Васильевичем Гудовым лет пятнадцать назад. Уже тогда у него было два инфаркта, плохо залеченный туберкулёз и операции на глаза и в связи с язвой желудка.

Будучи ветераном Великой Отечественной войны, имевшим множество ранений, Николай Васильевич один-два раза в год помещался в местную больницу, как сам говорил, «для те-

хосмотра и профилактического ремонта». Он напоминал мне отца — терпеливостью, деликатностью, трезвостью. Смолоду не знавший спиртного, Николай Васильевич не пил практически всю жизнь. За подобное «отступничество» его порицали и вся родня, и в автоколонне, но за это же и уважали. А более всего — за надёжность и твёрдое слово.

Мы подружились, несмотря на разницу в возрасте.

Каждое утро, делая на койке обязательную зарядку и слыша бряканье убираемой стеклотары, Николай Васильевич сердито выговаривал:

— Винопойцы хреновы! Дома пейте и помирайте дома. Так нет же — им здесь, в компании, интереснее. Нажрался — и под капельницу. Красота!

На меня своё отношение к выпивающим соседям Николай Васильевич почему-то не распространял, скажет только:

— Ты бы поберегся... хоть с недельку... Лежи. Я подам, что надо.

Меня прошибало: сам — в чём только душа держится, слепой, уколы каждые три часа, и «подаст, что надо»!

О войне Николай Васильевич рассказывал много и часто.

— Можешь себе представить, — всегда начинал он одними и теми же словами, — декабрь сорок первого. Лежим в поле под Юхновым. Окопаться толком не успели, снег и мёрзлая земля. Заметь, в шинельке, в ботиночках с обмотками. Лежим, значит. А он с высоты, гад, содит и содит миной. Содит и содит... В свежую воронку кинешься, в землю втиснешься — тепло... Пару минут. Там меня и накрыло. Двенадцать осколков... и контузия, — вздыхает Николай Васильевич — вот, мол, незадача. — Такой бой. Первый и последний. Я ни разу и не выстрелил... — он снова вздыхает и торопливо, словно оправдываясь, продолжает свой рассказ...

...О том, как везли эшелон и бросили с марша на это голое поле, под мины. Как безостановочно долбил пулемёт. Как их поднимали в атаку — брать эту треклятую высоту, с которой немец расстреливал роту прицельно, как в тире. А они бросались вперёд, матерясь чёрными ртами, поднимаясь и падая на чёрно-белый снег... В передышке главное было — не заснуть. От мороза брала сонная одурь.

Утром похоронная команда вынесла его с поля мёртвого. Чудом не зарыли в братскую могилу — кто-то заметил шевельнувшуюся руку, и его выдернули из кучи одеревеневших трупов...

Война для Николая Гудова закончилась... Но началась другая.

Объективно он был безнадёжен — потерял много крови, насмерть застудил лёгкие и почки... После медсанбата провалялся в тыловых госпиталях более полутора лет. Несколько раз умирал...

Как выжил, один бог знает. И ещё сиделка Люба, выходявшая его, буквально вытащившая с того света. Харкавшего и мочившегося кровью, тощего как скелет парня, выглядевшего дряхлым стариком. Одни только глаза упёртые...

Она, Любовь Ивановна Гудова, и сейчас рядом — приходит в больницу каждый день. Войдёт в палату, сядет на койку, возьмёт его руки в свои — согреть...

Николай Васильевич при жене смущается, прерывает свой рассказ, и кто-то в палате обязательно попросит:

— Любовь Ивановна, расскажите...

Она знает, о чём. По лицам примолкнувших соседей. По виновато отвернувшемуся Коленьке. И рассказывает:

— Лежит, бывалочи, без памяти, то в поту, то в сухом жару — горит. Бредит. Пенициллина тогда не было... Челюсть раздроблена. Сквозь зубы по ложечке лью ему клюквенный морс, чтоб хоть жар сбить. Полотенце влажное моментально высыхает на голове. Поворачиваю его с боку на бок. Он стонет, бредит... А я говорю, нет, не помрёшь ты, парень. Не дам. Сама же реву, дура-дурой... Жалко — сил нет. Сколько их там схоронили, бедных! Прямо за госпиталем, в роще...

А когда его начинала трясти лихорадка (ведь у него туберкулёз был в последней стадии!), я ложилась рядом и согревала, как могла. Койка узкая, сама на железяке... да что там... Кормила, поила с ложки, на спине таскала в уборную, в перевязочную. Заразиться — и не думала об этом. Другой раз очнётся: «Ты кто?» На меня, значит. А то мечется на койке, мечется, да как заорёт: «Мама!» Я ему: «Здесь я, сыночек, здесь». Утихнет... Страшно и сейчас вспоминать, сколько раз он умирал у меня на руках... И нужен был только мне. Прости меня, грешную, Коля, не ругай. Конечно, врачи там, сёстры — всё понятно, делали своё дело.

Но их рук не хватило бы, чтобы за каждым круглые сутки ходить. Ведь мы неотлучно при вас были...

Любовь Ивановна замолкает и смотрит на своего красавца Коленку... Гладит его по тощей, в синих венах, руке, по серо-зелёному лицу, смахивает с его незрячих глаз слёзы и улыбается. Она до сих пор красива — глаза молодые, яркие. И нет в них унылой старческой тоски, нет усталости от длинной несладкой жизни.

...Минувшей осенью мы снова встретились в больнице. На этот раз лечились оба, он — по своим лёгочным делам, она — с сердцем.

— Плоховато стало работать, — говорит Любовь Ивановна. — А то вдруг и вообще останавливается... Прямо чудеса — раньше такого не было.

На что Николай Васильевич усмехается синими губами и горделиво добавляет:

— Хм. Раньше... Раньше ты была как скаковая лошадь, передыху не знала. Ни в чём...

Ко входу в отделение подъехала машина, и их сын Владимир, подхватив две сумки с антоновкой из отцовского сада, поднялся на крыльцо. За ним с букетом астр семенила Надя — приехали забирать стариков из больницы.

Капитолина Сергеевна, заведующая отделением, выбрала два яблока, самых жёлтых и ароматных, — в чайк хорошо нарезать. Остальные распорядилась раздать по палатам. Обняла стариков и сказала Наде, благодарно кивающей на каждое её слово:

— Гудовы — всегда молодцы. Не ноют. Поддерживают друг друга. Не требуют — вынь да положь им здоровье... Дай бог всем такой дружбы и заботы. Насчёт лечения — поддержали как могли, сосудики промыли, кровушку напитали... Сейчас ничего острого и настораживающего нет. Тьфу-тьфу! Так что забирайте, а то они по дому извелись... Если что, звоните. Сделаем всё, что в наших силах и их возможностях...

Последние слова — о возможностях — Капитолина Сергеевна всегда говорила, давая понять, что врачи не боги. Прощаясь, она велела Любове Ивановне «не егозить», а Николаю Васильевичу — «не спускать с неё глаз».

Пропуская вперёд детей, старики, держась под руку, двинулись к выходу, неловко перебирая ногами.

«Дотянули бы до весны...» — глядя им вслед, с грустью подумала Капитолина Сергеевна.

Мне довелось увидиться со стариками в феврале — я развозил продукты из Центра социальной помощи. Они ждали возвращения из армии любимого внука Серёжки. Были оживлены, выглядели оба отлично. Любовь Ивановна готовила внуку комнату, Николай Васильевич был, как всегда, занят важным и любимым делом — регулировал котёл.

Посидели, попили чайку и стали прощаться. Ничто не предвещало, что эта наша встреча — последняя. Только когда обнялись, сердце незнакомо замерло и долго не желало вернуться в прежний ритм.

...Утром 9 мая Любовь Ивановна приготовила мужу парадный пиджак с наградами — ожидали гостей по случаю праздника. Повесив его на стул, поспешила на кухню. Чайник уже кипел и брызгался во все стороны. Она выключила газ, и дом сразу накрыла глухая пугающая тишина. Рванулась на ослабевших вмиг ногах в его комнату и... замерла на пороге — Николай Васильевич был мёртв.

Держась за косяк, опустилась на колени и так, на коленях, доползла до кушетки. Лёгкими ладонями закрыла его незрячие глаза.

— Я с тобой, солдатик мой, Коля... — прошептала ласково, без слёз, без крика. — С тобой.

Потом, как в забыты, поднялась, принесла приготовленный пиджак, надела на мужа и, подвинув его к стенке, прилегла рядом. Не забыла снять фартук...

Прилегла на минуту — ох, уморилась... Вздохнула несколько раз всей грудью, улыбнулась чему-то и замерла.

...Так и нашёл их сын в затихшем доме: отца в парадном пиджаке, со строго сведёнными бровями, и улыбающуюся мать. Остановился в дверях отцовской комнаты, захлебнулся в бессилии.

Завыл во дворе пёс Картуз...

Хоронили Гудовых на деревенском кладбище, где лежали их родичи и односельчане.

Из ближайшей воинской части внук привёз отделение солдат с лейтенантом — для отдания воинских почестей ветерану Отечественной войны Гудову Николаю Васильевичу и его супруге Любове Ивановне.

Были прощальные залпы, прощальные речи. Был и батюшка Исидор из местного прихода... ☞

Наталья Солдатова

Вкус золота

ГЛАВА 8

Таёжными тропами

Поезд Москва — Владивосток был чистым, ухоженным и сиял от собственной важности и значительности — как-никак, его путь по России был самым длинным, захватывающим половину Европы и огромную азиатскую территорию. Нигде в мире нет таких удивительных уголков, как у нас. Это потому, что они созвучны нашей душе, а душа наша широка, как просторы России, вольна, словно ветер, и глубока, как дно океана или земные недра...

— Не отвлекайся, прошу тебя, — услышала я голос Валентины. — Где ты витаешь? Девочки, внимательно всмотритесь в эту схему. К концу пути мы должны разработать план действий, которого и будем придерживаться. Во всём нужен порядок.

Я хотела напомнить Вале, что мы пока ещё ничего не знаем, что сведения, полученные нами в милиции, не внесли никакой ясности в это тёмное дело, но махнула рукой — подругу не переспоришь,

лучше просто безоговорочно подчиниться ей. А потому мы с Аллой уткнулись в знаменитые схемы, на которых Валентина изображала каждое расследуемое дело.

На главной из них в небе летел самолёт, обозначенный крестиком. Кружочки с левого и правого краёв символизировали два пункта — отправления и назначения. Около пункта назначения стоял большой знак вопроса — самолёт принадлежал сомнительной авиакомпании, и куда именно он летел, точно не удалось установить даже сотрудникам ФСБ. И что было на его борту, тоже никто толком не знал. Это сразу после катастрофы в материалах информационных агентств говорилось о золоте, но откуда оно появилось в журналистской стряпне, никто не знает. Валентина предложила нам принять на веру, что самолёт действительно упал и, вероятно, разбился в предполагаемом месте или же близко от него. Тут, собственно, была хоть маленькая, но зацепка — поисковики обнаружили кое-какие части кабины самолёта. Правда, создавалось впечатление, что никто не проводил никакой экспертизы — кабине какого именно самолёта принадлежали найденные детали? Местные жители якобы утверждали: в тайге можно встретить что угодно, даже фрагменты космического корабля! Но, так или иначе, а нам нужно место, запечатлённое на фотографии, — и потому, что оно обозначено в газете, и из-за моих обоев — должны же мы, наконец, узнать, что обнаружил здесь фотограф Новичков, снимая таёжный пейзаж? И за что уважаемый Алексей Степанович, возможно, поплатился жизнью? Путь туда мы наметили по карте, которую раздобыла Валентина, — на ней были указаны все лесочки, мостики, бугорочки, и они уже значились на Валиных схемах.

Предварительно мы решили, что будем представляться киногруппой, брошенной на разведку обстановки для съёмок документального фильма о тайге и её обитателях.

Был, правда, один существенный вопрос, который каждый из нас уже задал сам себе: если поисковики прочесали в тех местах всю тайгу и ничего существенного не нашли, что там делать нам, дилетантам в подобных делах? Но был на этот вопрос и ответ: во-первых, чтобы досконально исследовать местность в нужном радиусе, нужны не дни и недели, а годы непрерывной работы! Во-вторых, мы вовсе не уверены,

что там были люди, способные решать сложные логические задачи, как наша Валентина. Ну, и немножечко я. К тому же мы будем смотреть на всё свежим взглядом.

— А в местной милиции про нас будут знать? — спросила Алла.

— Я договорилась с Владимиром Ивановичем Комовым, что он заранее известит здешнее начальство о нашем приезде. Но не более того. То есть пока мы сами не обратимся туда за помощью, никто нам мешать не будет, — сообщила Валентина. — Только мне кажется, что Платон не выдержит и примет какие-то меры для нашей безопасности.

Я тоже была уверена в том, что Платон Петрович не допустит рискованных передвижений своей жёнушки по тайге без всякой охраны. А поскольку до женитьбы на Валентине он работал в этих местах, ему и карты в руки.

В дверь нашего купе постучали. Проводница принесла чай и, увидев карту, которую складывала Валентина, заметила:

— Надо же! Вы совсем не похожи на «чёрных следопытов»... А тоже небось за золотом едете, да?

— Почему вы так подумали? — осторожно спросила я. — Мы вроде серьёзные дамы...

— Ну, во-первых, вы карту рассматривали, а на ней — как раз то место, где произошла трагедия. Во-вторых, у вас билеты до самого подходящего пункта... Ну, для поисков подходящего... А в-третьих, у меня каждый раз чуть не по полвагона ездит туда золото искать.

— Вы хотите сказать, что после крушения самолёта люди приезжают сюда за золотом? Я правильно вас поняла? — спросила Валентина.

— Совершенно правильно!

— Ну, и... нашли что-нибудь? — не выдержав, поинтересовалась я.

— Да какое там! Обратно едут оборванные, мошкаррой поеденные, без денег... Иной раз даже на билет не хватает... А уж какие ужасы рассказывают! Уверяют, что многие там пропадают, в тайге-то... Что золото, словно леший, заводит их в такие места, откуда нет возврата... Так что уж вы там поосторожней, милые дамы!

— Ой, да мы фильм будем там снимать... документальный. Вот, едем на разведку, делать предварительные пробы, — уверяла я проводницу.

— А... Ну, коли так... Не буду вам мешать. Ваша станция будет рано утром, знаете? Я разбужу.

Она ушла, а мы посмотрели друг на друга и рассмеялись! Господи, какие же мы дурёхи! Да тут, оказывается, полстраны кинулось на добычу, как грифы, а мы-то думали, что одни такие умные! Толпами люди бродят! Избороздили всю тайгу!

Спать мы легли в расстроенных чувствах, и утро не принесло никакого облегчения. Хмурые, не выспавшиеся, мы сошли с поезда и зашагали по асфальтированной дороге, которая была здесь единственной и уходила, как нам показалось, в глубь тайги, где её обступали вековые сосны и ели...

— Мы двигаемся к совхозу «Таёжный», — сообщила нам Валентина, изучившая карту назубок.

Оглянувшись, мы увидели, что двигаемся туда не одни. За нами шёл целый хвост пассажиров. Я предположила, что все они работают в совхозе. Двое, юркие мужчина и женщина, нас даже обогнали, но мы рванули вперёд и, оказавшись вровень с ними, спросили, как добраться до нужного нам пункта.

— Ой, так вы сейчас придёте на первое отделение совхоза, а оттуда — автобусом, — сказала женщина. — Вась, они на первый автобус успеют, как думаешь?

Шедший рядом с ней Вася ответил, что, если мы прибавим шаг, то успеем. Мы прибавили. Но и пара от нас не отставала.

— А вам туда зачем? — вдруг спросила женщина. — Вы, часом, не самолёт искать приехали?

— Господи, только и слышим про какой-то самолёт! — возмущённо ответила я. — И в поезде, и здесь... Мы из кино-группы, приехали на разведку. Кино там будем снимать.

— Кино? А про что? — заинтересовалась женщина.

— Про тайгу вашу необъятную. Про красоту эту...

— А... — разочарованно протянул Вася. — А я думал, самолёт искать...

— А если бы самолёт? — деловито спросила Валентина.

— Так ведь мы группы сколачиваем, — оживился Вася. — Я проводник, вы мои подопечные. Предупреждаю, недорого беру.

— Он уже семь групп водил! — похвасталась женщина.

Мы решили познакомиться с ними поближе. Оказалось, что женщину зовут Майя и она, как мы и подумали, Васина жена. Мы посоветовались и признались, что плохо знаем тайгу и, если Вася согласится быть нашим проводником хотя бы в течение двух-трёх дней, будем ему чрезвычайно благодарны. А заодно и расскажет нам о том самолёте, который все ищут. Может, его рассказ тоже пригодится для съёмок...

Вася замаялся. Оказывается, он берёт группы по десять-двенадцать человек, и каждый платит ему пятьсот или тысячу рублей, в зависимости от того, сколько времени придётся блуждать по тайге. А нас всего трое, и ему не выгодно нас сопровождать. Тогда мы пообещали ему заплатить как за десятерых, правда, по самой низкой ставке — пять тысяч, однако договорились, что сначала — работа, потом — деньги. На том и порешили. Условились встретиться через час у них дома. За этот час нам необходимо было купить провизию, а также разобраться, кто такой этот Вася и не попытается ли он при первой же возможности разделаться с нами, чтобы завладеть тем немногим, что у нас есть.

Опасения наши оказались напрасными — покупая продукты в сельмаге, мы рассказали продавщице о наших будущих «съёмках» и посоветовали на незнание местности, после чего женщина порекомендовала нам обратиться к Васе, и мы получили его полную характеристику.

— Ваше счастье, что у нас тут такой человек есть! Он ведь слесарем раньше в МТС работал. А теперь... Ни МТС, ни мастерских не осталось... Каждый крутится как может...

И мы без опасений вверили себя Василию Денисовичу Чупринову и тут же начали собираться в дорогу. Вася стал допытываться, чего именно мы хотим, про что конкретно будет наше кино, и Валя показала ему одну из своих схем, ткнув пальцем в точку, где мы хотели бы очутиться. А я для верности показала Васе фотографию Новичкова и заявила, что хотела бы как можно быстрее оказаться вот на этом самом месте! Вася внимательно рассмотрел снимок, потом взглянул на каждую из нас и вдруг доверительно сказал:

— Дамы, а, дамы! А самолёта там ведь нет... Он, по моим расчётам, должен быть левее... Все, кто ищет, левее забирают...

— И при чём тут самолёт? — невинным голосом спросила Алла. — Мы же готовимся к киносъёмкам...

Вася помолчал, а потом неожиданно изрёк:

— Знаете, в тайгу ведь идём, а не в клуб на танцы! Всякое может случиться... Давайте уж, не скрывайте от меня, зачем приехали... Я, конечно, привык, что все приезжающие, у которых в глазах прямо золото видно, шкура неубитого медведя на дне так и светится, что-то выдумывают — одному пейзажи в тайге писать захотелось, другому — фотографировать, третий траву какую-то лечебную искать якобы вздумал... А сами потом забывают про всё и просят вести их к самолёту...

— И ведёте?

— Веду туда, где деревья поломаны, вроде как от падения чего-то тяжёлого. И кусок крыла там, что ли, находили... А они уж там душеньку свою тешат.

— А сами вы в упавший самолёт верите? — спросила Валентина.

— Верю, — просто ответил Вася. — Только ещё больше я верю в то, что ничего случайного с этим самолётом не произошло. Стало быть, его ждали там, где он упал...

— А где он упал? — поинтересовалась я.

— Трудно сказать... Только думаю, к этому месту даже приближаться опасно!

— А вы пробовали?

— Не нравится мне ваш разговор, — заметила появившаяся из другой комнаты Майя. — Чего-то вы, женщины, темните... Одних таких водила, так намучилась с ними — смерть!

— Как? И вы тоже?

— Так она главная проводница у нас и есть! — с гордостью заявил муж. — Только сейчас в таком положении, что надо дома посидеть...

— Третьего ждём! — весело произнесла Майя. — Двое уже школьники, к бабушке вот отправили в Ростовскую область. Скучаем очень.

Мы сложили все свои городские вещи в угол, куда указала Майя, и уже собирались отправиться в путь, но она сказала, что так просто нас не отпустит, и попросила пройти в большую комнату. На столе дымилась картошечка, лежал только что сорванный зелёный лук, блестящий от спелости

и капелек воды, краснела редиска и темнели солёные огурцы. Нам было неловко, но Майя объявила, что это входит в услуги, за которые мы платим. Пока мы перекусывали, супруги рассказали нам о том, что не так давно приезжала к ним одна молодая учительница-разведёнка — то ли с севера, то ли ещё откуда-то. Приглянулись ей эти места, даже с директором о работе договорилась, а потом вдруг уехала и больше не появлялась.

— У нас она остановилась... Хорошенькая такая... Вася в тайгу её водил, она кедры впервые увидела. Может, вернётся ещё?..

— А фотографа вы, случайно, в тайгу не водили? — поинтересовалась Валентина. — Того, который фотографировал место, где мы хотим побывать...

Вася посмотрел на нас как-то странно, мне показалось, даже немного испуганно, и выдал из себя:

— Нет. Не водил.

— Но ведь вы говорили, что кто-то художником прикидывается, кто-то — фотографом, — напомнила Алла.

— Да я это так, к слову...

— Может, он был в группе, а вы просто не заметили? Его зовут Алексей Степанович Новичков. Высокий, седоватый... С короткой стрижкой... Ходит прямо, не горбясь, словно актёр на сцене, — продолжала допытываться Валентина.

— Не помню такого, — буркнул Вася.

Было видно, что вопрос наш не очень ему понравился. А точнее, совсем не понравился. Что-то за этим крылось...

ГЛАВА 9

Мы находим труп

Сказать, что путь наш оказался трудным — значит ничего не сказать. Самым правильным будет назвать наше путешествие дорогой испытаний. Нестерпимо болели руки и ноги, в какой-то момент они просто перестали двигаться, и каждый шаг давался с большим трудом. Мы ныли, выли, стонали, но не сдавались. Вася же смотрел на нас снисходительно и упорно допытывался, не придумали ли мы эту картинку

местности, в которой хотели бы очутиться, твердя при этом, что с удовольствием отведёт нас в район упавшего самолёта. Наконец Валя сдалась, сказав, что сначала мы должны осмотреть место, запечатлённое на снимке, а потом пусть ведёт нас куда угодно, хоть к самолёту!

Наконец мы добрались до нужного нам места, где нас встретили могучие, величественные сосны. А вот и заливчик, справа от которого каменные валуны небольшим островком входили в воду...

Вася взял из моих рук фотографию и, глядя на неё, начал прыгать по камням, наказав нам стоять на месте и не двигаться. Через пару минут он застыл в одной точке, крикнул:

— Кажется, ваш фотограф снимал этот вид именно отсюда, — и отодвинулся, предлагая нам встать там, где только что стоял сам.

Вася был прав, фотограф снимал именно отсюда... Вон те валуны с тёмными пятнами... И дерево, за ветку которого зацепился носовой платок... И неизвестно откуда взявшаяся кучка листьев...

Мы подбежали к валунам. Небольшие выемки на них были заполнены уже не красным, а чем-то тёмным... Валентина тут же соскребла это в специальный пакетик и упаковала его. Сделав несколько шагов вправо, мы увидели ту самую загадочную кучку листьев, которая стала гораздо меньше, чем на снимке. И моей жёлтой змейки почему-то не видно... Мы с Валентиной палками стали разгребать листья, но они не поддавались — ветки слежались, слиплись, стоило отделить одну от другой, как поднималась пыль и нечем становилось дышать. Тогда решили действовать руками, благо перчатки были с собой. В нос сразу ударил тяжёлый запах гнили, а когда мои руки коснулись ключев истлевшей одежды, мы всё поняли. Нитки вязаной кофточки серой тягучей массой расплзлись под нашими руками, обнажая другие, иссиня-чёрные, с красновато-розоватыми пятнами, изъеденные насекомыми, руки.

Мы кинулись раскидывать листья — и оцепенели от ужаса. Под ними на сырой земле лежала какая-то женщина. Она была мертва, её убили выстрелом в голову. От кофты тянулся пояс, который и выглядывал из листвы жёлтой змейкой...

Всё оказалось так, как мы и думали, — фотограф делал этот снимок, можно сказать, над свежей могилой. Валентина, что-то высматривая, кругами ходила вокруг трупа, пока не нашла тот самый носовой платок, что висел на ветке! Правда, теперь он уже не висел, а валялся, застряв между камней. Платок пошёл в другой пакетик, который тоже был тщательно упакован. Но я видела, что, несмотря на эти находки, Валентина пребывает в недоумении.

— Послушай, Наташ, — начала она. — Я не вижу логики! Если Новичков снимал всё это, когда труп был уже спрятан, то есть когда следов преступления, по сути, не осталось, почему это кому-то не понравилось? Да, в пейзаже на фотографии чувствуется тревога... Ну и что? Мало ли что мы чувствуем, глядя на разные снимки! За это не убивают. Другое дело, если он знал, что там лежит покойник, и специально снимал это место... Зачем? Надо было немедленно обратиться в милицию! А он не обратился...

— Может, он ничего и не знал? Просто снимал. А преступник подумал, что он знает, потому и снимает, — не слишком внятно предположила я.

— Может быть... Но если он ничего не знал, тогда чего боялся? Почему рассказал Кате о встрече с женщиной, которой уже нет?

Тут мы вновь обсудили версию, которая уже приходила нам в голову: Новичков встретил живую женщину, а потом увидел её мёртвой, догадался, кто убийца, и постарался скрыться, оставив по неосторожности свои координаты, по которым его впоследствии и нашли. Но тогда зачем он снимал пейзаж с могилой? Да, её не видно, о ней могут догадаться единицы — такие, как мы с подругой. Но он-то знал! А если нет? И тут мы с Валеи пришли к следующим выводам.

Новичков знал, что под листьями возле валунов спрятана убитая женщина, но увидел посторонних людей и, заподозрив, что они и есть убийцы, сделал вид, что ничего особенного не произошло, понимая, что иначе его жизни будет грозить опасность. А убийцы решили, что он что-то видел и о чём-то догадался, и попытались его убить. Хотя — почему убийцы? Новичков говорил об одной женщине. О том, что встретил кого-то, с кем ему не надо было встречаться. И этот человек

не он, а она. Женщина. И в воду его, предположительно, сбросила женщина...

К нам медленно подошёл Василий, внимательно посмотрел на труп и тихо сказал:

— Так вот она где, наша учительница... Мы с Майей думали, сбежала, в глуши такой оставаться не захотела, а она, бедная...

Мы поняли, что это та самая учительница, которая, разведясь с мужем, приехала в совхоз «Таёжный», договори-лась с директором школы о работе, а потом вдруг исчезла...

— Вася, а как её звали? — спросила я.

— Ой, имя-то запомнил... Отчество помню — Григорьевна...

— Что-о-о?! — я чуть не задохнулась от своей догадки. — Обуви! Вася, снимите с неё кеды! Умоляю вас! Хотя бы с одной ноги!

— Да... как-то не знаю... А зачем?

— Надо посмотреть на её пальцы! Возможно, мы знаем, кто это!

Вася подошёл к покойнице, склонился над её ногой и стал развязывать отсыревшие и крепко врезавшиеся друг в друга шнурки, а потом сказал, что легче их просто разрезать. Чик! — и шнурки разлетелись в разные стороны. Затем снял с ноги носок, и мы увидели на чёрной ноге алые ногти, покрытые лаком. Больше ничего особенного — обычная нога, как у всех. Это не Шурочка...

— Вспомнил имя, — вдруг сказал Вася. — Аня. Анна Григорьевна...

— А почему вы не удивились, увидев её мёртвой? — спросила Валентина. — Я за вами внимательно наблюдала... Ни один мускул на лице не дрогнул...

— Привык, наверное... У нас ведь тут разбойничают — будь здоров! И всегда так было. Отца вот моего убили. Узнали, что он жилку золотую нашёл, поймали его и — пытать: покажи, да покажи! А он отказался. Его убили со злости. Люди у нас часто исчезают, и никто их не ищет. Вот её-то за что убили, в толк не возьму. И как она здесь оказалась? Я ей тайгу показывал, там, недалеко от посёлка. Может, домой за багажом поехала, да на прощанье решила ещё раз одна тайгу посмот-

реть? Да и заблудилась... У неё сумка дорожная небольшая была, в клеточку, и через плечо маленькая чёрная сумочка.

— А кофта — жёлтая? С длинным поясом? — спросила я, чтобы окончательно решить для себя вопрос о жёлтой змейке.

— Да. Так вы её знали?

— Нет. Просто вот на этой фотографии выглядывает её пояс, — и я показала Васе снимок, который он видел уже раз десять.

Наш проводник внимательно всмотрелся в фотографию. Чувствовалось, что в голове его крутится огромный маховик, перематывая все события в обратную сторону. Вдруг эта машина словно остановилась на нужном месте, и Вася обронил фразу, о которой тут же сильно пожалел:

— Надо же, значит, тогда её уже убили...

— Когда — тогда? — тут же спохватилась Валентина.

— Тогда... Ну, я имел в виду, когда мы всё ещё надеялись, что новая учительница будет работать в школе, её уже убили, — выкрутился Вася.

— Э, нет, Василий Денисович! Так дело не пойдёт! — резко проговорила Валентина. — Из ваших слов я поняла, что вы были на этом самом месте сразу после трагедии, но ничего не заподозрили, потому что труп был уже спрятан... Ведь так?

— Думайте что угодно! Только я ничего не знаю!

— А знаете, чего я никак не пойму? Тайга вам вроде родная...

— Ну...

— Вам тут любая сломанная ветка о многом расскажет. Вы всё видите, всё замечаете. Так как же, придя сюда, не заметили этих листьев, которые сгребли в кучку, чтобы спрятать труп?

Вася молчал. На лице его было написано возмущение — дескать, почему это мы подумали, что он не заметил странного скопления листьев? Конечно же, заметил. Но одно дело — заметить, другое — дать понять, что ты заметил, либо в этом признаться. Очевидно, ему нельзя было делать ни первого, ни второго. Мы поняли, что, по крайней мере, сейчас ничего от Васи не добьёмся.

— Ну, что ж, — снова заговорил наш проводник, — теперь самое время отправляться к месту ночлега, иначе мы не попадём туда засветло.

О том, чтобы вернуться на исходную точку, в посёлок, не могло быть и речи — мы ушли слишком далеко.

К избе мы подошли тогда, когда уже начало смеркаться. Вася пошарил у входа за какой-то доской, достал ключ и отомкнул дверь. Внутри было четыре широких топчана, стол, несколько стульев, на полках — крупа, макароны, сухари. Но в полной мере мы оценили этот сервис тогда, когда Вася затопил печь, принёс ведро с водой и поставил на чугунную конфорку настоящий чайник, а крупу в чугуне засунул вариться поближе к огню...

— Откуда тут вода? — поинтересовалась я. — Из речки?

— Нет. До речки отсюда далеко. Из ручья. Вода, можно сказать, ключевая. Целебная.

Мы стали накрывать на стол, чтобы по максимуму облегчить себе дальнейший путь, и от количества консервов запестрело в глазах. Наш главный кашевар поставил на стол дымящийся чугун, а Валентина вытащила из своего рюкзака бутылку водки. Вася, оказывается, тоже шёл не с пустыми руками — его бутылка самогона переплюнула нашу «белую». Одним словом, уже минут через двадцать, под горячую кашу и консервы, нам стало очень весело. Даже Василий расслабился, подобрел, порозовел и без конца улыбался, слушая наши стихотворные тосты и пожелания, вроде:

*Отряд ОМОНа вышел в ночь.
Не смог он нам ничем помочь.
Подите вон! Подите вон!
Заменит Валя весь ОМОН!*

Проводник несколько насторожился и тут же спросил:

— Валя? Это они про вас, Валентина Васильевна?

— Да. Про меня. Надеюсь.

— А при чём тут ОМОН? Вы что, из милиции?

— Нет, Вася. Но раньше я работала в милиции. В уголовном розыске. И поэтому сразу заметила, как вы смешались, когда мы спросили вас про фотографа, а потом — про эту могилу из листьев... Поверьте, у меня большой опыт следственной работы. Я понимаю, почему вы молчите. Но тогда послушайте нас...

И Валентина выложила ему нашу основную версию про фотографа, который встретил женщину, затем через какое-то время увидел её убитой, но, заметив, что кроме него и покойницы неподалёку есть кто-то ещё, попытался скрыться, да не успел. К нему подошёл некто, скорее всего, тоже женщина, которая вроде бы с большим сочувствием отнеслась к ситуации, но от фотографа не укрылась фальшь в её поведении. Тем не менее он сделал вид, что полностью ей поверил, возможно, они вместе и соорудили эту могилу. Затем фотограф, притворившись, что его интересует только работа, стал щёлкать всё вокруг. А неизвестная женщина скрылась. Но когда он шёл обратно, его чуть не убили... Ему удалось скрыться, но женщина, узнав, что он остался жив, разыскала его координаты и выехала в город, где он живёт, и там... И там убила его, потому что поняла — он знает, что смерть неизвестной женщины — её рук дело! Вернее, подозревает. Но ей хватило и подозрения. Одного подозрения! Эта особа, видимо, ни с кем и ни с чем не церемонится...

— Ну, что, Вася, не было такого? Или было, но я в чём-то ошиблась? — требовательно спросила Валентина.

— Нет! Я ничего не знаю! Одно скажу — вы ошибаетесь! В масштабах! Скажу так: если эта особа и существует, то власть её распространяется на необъятные пространства! Как власть самой тайги... — Вася мгновенно переменялся в лице. Щёки его посерели, впали, глаза стали тревожными, чувствовалось, что он измучился, оттого что слишком много знает. А ведь он точно знает убийцу!

— Знаете, — вступила в разговор Алла, — а я будто вижу её перед собой. Думаю, она молодая, красивая и, возможно, скромная на вид женщина, которую невозможно заподозрить в чём-то противозаконном...

— Нет! Не надо! — взмолился Вася. — Замолчите!

— Она часто бывает здесь. У неё голос тайги... Глаза тайги... Возможно, чуть суровый взгляд... И зелёные одежды... — продолжала Алла, не обращая внимания на Василия.

— Нет!!!

— Ну, мы же говорим про тайгу, Вася, — вмешалась Валентина, подливая ему водочку. — Существует образ тайги... Очень интересно, как вы, таёжный человек, его видите,

чувствуете... Может, набросаете карандашиком таёжный портрет? — подруга выбрала удачный момент — Вася был пьян, и образ преступницы в эти минуты у него точно ассоциировался с суровой и безжалостной тайгой. Или наоборот. — Какая она, хозяйка тайги? Живая, сильная и... опасная, да? Я так хочу её себе представить! И так жду вашего рисунка!

— Но ведь я не художник, дамы! Не художник!

— Зато очень наблюдательный человек!

И Вася действительно нарисовал нам весьма обаятельную девушку, правда, какими-то неловкими штрихами... Потом, неожиданно для всех, взял ещё один лист и набросал портрет вроде бы той же девушки, только глаза её стали узкими, а губы — сжатыми. И сразу пропало всё обаяние...

— Но это не хозяйка тайги. Это убийца, — прошептала Алла.

— Это тайга! А она бывает и убийцей, — туманно ответил Вася.

Мы легли спать с надеждой, что позже сумеем больше разузнать об этой особе.

А утром Валентина спросила, не может ли он отвести нас к месту падения самолёта, и Вася признался, что долго, очень долго сам искал это место и пришёл к выводу, что его не существует, что самолёт, скорее всего, благополучно приземлился в заранее намеченном месте, где его тут же избавили от дорогого груза. А что потом? А потом его либо отлично замаскировали, либо он улетел в неизвестном направлении...

Мы дружно — уже в который раз! — уткнулись в карту, которую привезла с собой Валентина.

— Вася, я вижу здесь три места, пригодных для посадки маленького самолёта... О больших нет и речи... Вот эти места!

— Ну... Хороший лётчик может посадить самолёт и здесь, — сказал Вася, указывая на место, расположенное неподалёку от нашей избушки.

— Вы были во всех этих местах? — спросила Валентина.

— Да. Во всех. Но хорошо осмотрел три. Одно не удалось.

— Почему?

— Там были люди, и я решил не светиться. Они меня, слава богу, не заметили. Это место — самое сложное для посадки, но и самое надёжное для конспирации.

— Ну, так чего же мы сидим?! — хором воскликнули я и Алла. — Вперёд!

ГЛАВА 10

Долг деда Егора

Мы дошли до этой четвёртой площадки, где мог приземлиться самолёт.

Странное это было место... Похожее на восклицательный знак. Причём его точка представляла из себя внушительную поляну, а всё остальное — дорожку, на которой, очевидно, должны были остаться следы самолёта, если он действительно тут приземлялся и отсюда взлетал. Мы стали их искать, но так и не увидели. Зато вся земля была в каких-то непонятных бороздах. Вася с недоумением посмотрел на них и вдруг рассмеялся:

— Ну и хитры, заразы!

— Кто?

— Да те, что здесь были! Они по следам самолёта пустили специальное устройство для разметки делянок!

Мы решили не топтаться по следам друг друга, а разойтись в разные стороны, благо поляна позволяла это сделать. Я подняла какой-то клочок газеты и сунула его в карман, а Алла отыскала пилочку для ногтей, которую тут же пустила в ход. Увидевшая это Валентина чуть не упала в обморок.

— В пакет её! Немедленно в пакет! Там же могут быть отпечатки, следы!

— Я её вытерла! Чего уж теперь, — виновато проговорила Алла, но послушно отправила пилочку в пакет.

А ещё мы нашли кусок шнура — чёрного, синтетического. Он был оторван! Но оторвать синтетический шнурок просто так невозможно! Для этого нужна огромная сила! Вот если бы, скажем, этот шнурок оказался вдруг под колесом самолёта... Но как такое могло случиться? Мы задали этот вопрос Васе.

— Почему обязательно под колесом? — спросил он. — Я, например, терпеть не могу эти шнурки, знаете, за что? Когда они отсыревают, то расплзаются, как кисель... Бр-р-р... Противно! Вот и этот шнурок долго мог быть сырым. А потом, если он

волочился по земле, на него достаточно было наступить одной ногой, а другой в это время дёрнуть. Вот и всё!

— Как просто. Но почему шнурок развязан? Вот вы бы, Вася, ходили здесь с развязанным шнурком? — спросила Валентина.

— Ни за что! Я же таёжный человек и сразу чувствую малейшую неполадку. В тайгу надо идти хорошо упакованным! Особенно когда мошка...

— А самолёт исчез в то время, когда была мошка, да?

— Да. Самый пик был. И если у кого-то тут случилась беда со шнурком, и ему понадобилось, например, снять обувь, я не уверен, что нога у него осталась цела... Мошка — это ведь маленькие убийцы... В лучшем случае они могут покалечить...

Мы хотели присесть отдохнуть, но Вася не разрешил нам, сказав, что следует немедленно возвращаться, иначе мы не доберёмся до избушки...

Итак, нас ждала ещё одна ночь в избе, куда мы ввалились, слава богу, ещё засветло. Остатки еды и свежая каша, которую нам опять сварил Вася, улучшили наше настроение, и мозги вновь заработали.

Мы пришли к выводу, что самолёт там действительно приземлялся — под следами от разметки делянок кое-где сохранились и следы его колёс... Поскольку никаких частей разбитого самолёта обнаружить не удалось, можно предположить, что крылатая машина так же благополучно и улетела, выполнив свою миссию. Во всей этой операции участвовало не менее четырёх человек — двое в самолёте и двое на земле. На земле, возможно, и больше. У одного могла быть повреждена нога. Ещё один человек — это, предположительно, женщина, о чём говорит пилочка для ногтей.

— А «Беломор» у вас продаётся? — неожиданно спросила Валентина у Васи.

— Ни разу не видел! — ответил он.

— А я нашла одну. Представьте, внутри кусочек ваты, это вместо фильтра. Значит, курильщик заботится о своём здоровье. Но откуда он взял эти папиросы? — начала рассуждать Валентина. — Хотя дело даже не в этом, а в том, почему именно «Беломор»? Люди молодого, да и среднего возраста его не курят. Следовательно, это мог быть пожилой человек...

Но в лётчики таких не берут, там ограничения по возрасту. Значит, он из тех, что были на земле... Выходит, у хозяйки тайги, которую нарисовал нам Вася сначала с хорошим, а потом со злым лицом, в помощниках — старик...

Когда Валентина вспомнила про рисунок, я спросила у Васи, почему он нарисовал девушку именно такой? Он её видел?

— Да нет, не имел такой чести! — отрезал Вася. — И вообще, был один случай, но мне не хочется о нём говорить, — в конце концов, не выдержав нашего бурного натиска, он начал рассказывать: — Несколько лет назад в этих местах тоже самолёт исчез... Я тогда охотничал, далеко за зверем уходил и о происшествии с самолётом ничего не знал. Только гляжу — человек умирает... Я — к нему, а он уж и говорить ничего не может, лежит весь в крови... И на свой карман мне глазами показывает... Я полез туда и коробочку с какими-то таблетками вытащил... Таблетки, уже не помню от какой болезни, красноватые такие, часто в рекламе мелькают.

— Мезим?

— Да, точно! Но не в этом дело. На коробочке были нарисованы два лица. Я его спросил, кто это. А он на свою рану мне показал. Я и догадался, что это убийца... Но всё же уточнил у него, конечно. Он пытался что-то сказать, мне показалось, что хотел назвать её имя... Знал, видать... Да так и не назвал...

Я эту коробочку из-под таблеток долго у себя хранил... Всё в лицо это вглядывался... И даже, уж признаюсь вам, перерисовал раз на большой лист да в магазине повесил. Осторожно так, чтоб никто меня не видел. И — ничего! Только один старик признал, что вроде девка висит на стене знакомая... Я попытался у него выяснить, да он уехал быстро... Не из нашего дед села, а так, кабы за бутылочкой посидели, может, и вспомнил бы... Но специально я к нему не поехал — побоялся.

Валентина тут же расспросила у Васи, откуда этот старик, как его звать-величать. Оказалось — дед Егор с центральной усадьбы этого же совхоза. Примечателен этот дед тем, что ему то ли стукнет, то ли уже стукнуло целых сто лет. Так у нас появился ещё один объект, требующий сил и времени.

На следующий день первым же автобусом мы отправились на центральную усадьбу.

Дед Егор оказался не один — с недавних пор, как мы узнали, за ним ухаживала проворная молодая женщина Фая, из приезжих. Смотрела она за дедом Егором добросовестно — везде было чисто, а старика мы застали сидящим за столом, на котором дымились свежие щи. Фая не удивилась нашему приходу — позже она объяснила, что к деду часто приезжают местные писатели, историки, краеведы и записывают его воспоминания о сибирском крае.

Фая и нас усадила за стол. От шей мы отказались, признались, что спешим на московский поезд, что край этот изучаем в чисто историческом плане, что собрали много интересного материала... И тут дед Егор заговорил, сначала тихо, потом всё громче и громче, и перебить его было невозможно. Мы прослушали длинную, но захватывающую лекцию об истории края, о людях, его населяющих. А потом я вытащила Васины рисунки и призналась, что у меня в этих краях пропала сестра, и если он так хорошо знает всех и вся, не подскажет ли, что с ней случилось.

Дед Егор повертел в руках рисунки и вдруг спокойно выдал:

— Не может она быть вашей сестрой... Нет у неё сестры... Одна она у родителей своих...

Мы застыли, не зная, как вести себя дальше, чтобы не спугнуть воспоминаний деда. Исправить положение взялась Валентина. Она вообще решила отвлечь старика от этого вопроса и начала расспрашивать его о семье, детях, о его молодости, о том, как чувствует себя человек, проживший на свете целый век и выполнивший свой долг на этой земле.

— Долг, говоришь... — задумчиво протянул дед Егор. — Я все свои долги давно отдал, ещё когда в силе был... Но есть у меня один должок... И коли вы мне поможете, буду за вас бога молить на том свете... Я ведь там уже скоро окажусь.

— Мы для вас — всё, что попросите! — бодро отпартовала я.

— Милицию ко мне пришлите! — прошептал дед. — Да так, чтоб никто об этом не знал!

— Вы уж извините нас, дедушка Егор, но я и есть милиция! — резко повернулась к нему Валентина. — Мы ведь к вам специально пришли. Много нехорошего стало проис-

ходить в тайге, и я подумала — кому, как не вам, понимать, что за разбойники тут орудуют, спокойно людям жить не дают, грабят, убивают... Может, кто-то что-то и знает, да не скажет, побоится. А у вас все страхи позади. Но главное, вы прожили в этих местах целый век, каждый клочок земли знаете, каждого человека насквозь видите, поэтому нам есть о чём поговорить...

— Да. Долг отдать, — повторил старик. — Вот я вам его сейчас и вручу... Фая, дай-ка мне ту плёнку в футляре... — Фая полезла в погреб, а дед Егор между тем продолжал: — Фотограф тут один ко мне заезжал этим летом. Говорил, что на всю страну меня прославит... Много меня снимал. И дома, и во дворе, и к полю ходили — я ведь когда-то на комбайне работал. А когда уходил, отдал коробочку круглую с плёнкой и сказал, чтобы я сохранил её. А если через месяц за ней не придёт, так сдать её милиции и сказать, что на плёнке — убийцы. Месяц уже давно прошёл, а его всё нет...

— Алексей Степанович Новичков? — волнуясь, спросила Валя.

— Да-да, он, — ответила Фая.

Мы постарались узнать у деда Егора и Фаи, что ещё рассказывал им фотограф, однако больше ничего интересного не было. Но оставались ещё рисунки! И вдруг Алла, подойдя к стене с фотографиями, указала на изображённую там молодую женщину и воскликнула:

— Ой, как она похожа на ту, что на наших рисунках! На сестру Натальи!

— А глаз у тебя, внучка, острый, верно углядела! На фотографии — Степанида Огневая. Только сейчас ей уже за шестьдесят, если жива... Дочка, правда, была у неё... Поздний ребёнок... Может, на неё похожа, не знаю... Да и семья их давненько уехала из наших краёв...

— Какое имя! Какая фамилия! Небось гордая, огненная, с норовом женщина, а? — предположила Алла.

— Как бы не так. Тихая и скромница. А фамилия — от мужа... Когда-то, говорили, семья его деда или прадеда пожар пережила... Вот и стали они Огневыми... А вот про дочку ничего не знаю. Хотя слухам не верю. Не может она стать плохим человеком! Не она это разбойничает! Не она!

Мы узнали всё, что хотели, и распрощались с дедом и его Фаей.

В управлении угрозыска были рады, что мы, наконец, объявились — Платон Петрович каждый день туда названивал. Мы тут же подсунили им плёнку, добытую у деда Егора, а также воспользовались телефонами и связались с нашими близкими. А когда плёнку проявили, мы все впали в шоковое состояние. На ней было всего четыре кадра. На трёх снимках изображены пихты, ели, кедры, символизирующие мощь тайги. А на четвёртом — два человека, мужчина и женщина. Мужчина стоял боком, и лица его не было видно. А вот черты лица женщины оказались вполне чёткими и удивительно напоминали женщину с рисунка. И с той фотографии старика... Мы тут же заявили оперативникам, что подозреваем её в совершении тяжких преступлений. В управлении начался настоящий бум. Сразу же были задействованы все службы, подняли базы данных, документы прошлых лет, где значились все жители края. Валентина узнала и имя-отчество дочери той Степаниды Огневой, про которую нам рассказал старик. Но эти данные пока ни о чём не говорили...

ГЛАВА II

Ночной поход

Жанна проснулась среди ночи и села на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону. Ей снился ужасный сон — девушка вся в белом... И лицо такое знакомое... Дина... Ходит и жалуется, что её убили... И держится за горло... Жанна зажгла ночник и проверила, хорошо ли заперта дверь. Она понимала, что это сон, но в то же время ей казалось, что действительно кто-то кричал... Жанна вытащила из-под подушки пистолет, подошла к окну и чуть-чуть отодвинула штору... Темно... Но если взглядеться, можно различить и колодец, и Манефин дом, и баньку за ним, примыкающую к гороховому полю, и аккуратный, чуть наклонившийся вперёд домик Дины...

Жанна надела чёрные облегающие штаны, чёрный джемпер, тонкие чёрные перчатки, натянула на ноги мягкие туфли и, осторожно спустившись по лестнице, пошла крадучись

к Динину дому. Дверь легко поддалась, и это было странно — Дина всегда запиралась на ночь. Жанна вошла в коридор и включила фонарик, который прихватила с собой. В сенях всё находилось на своих местах, как и обычно, никаких следов борьбы. Пройдя дальше, она увидела, что половик возле двери комнаты, где обычно спала Дина, откинут. Жанна тихо позвала девушку и, не получив ответа, осторожно шагнула в комнату... Напротив двери у окна белела кровать. Жанна подошла и направила на неё луч фонарика — кровать была пуста! Одна подушка стояла боком, другая лежала на середине кровати, рядом со скомканным одеялом.

— Дина! Ну где же ты, девочка? — позвала она.

И тут же услышала какой-то скрип, кажется, половиц. Затем возле кровати словно упало нечто тяжёлое... Жанна наклонилась, чтобы посмотреть, но тут её спину прорезала острая боль, и чьи-то руки крепко схватили её за шею. Упав на колени, она впилась в эти руки, жалея, что на ней перчатки, и нельзя пустить в ход острые ногти. Боль становилась сильнее, внутри неё что-то хрустнуло, и Жанна захрипела, отчаянно думая о том, что ей рано, ох, как рано умирать! Вдруг она вспомнила, что когда-то занималась каратэ, и решила применить не забытые ещё навыки — быстро откинув назад голову, со всей силой ударила душившего её человека! Железный обруч на шее чуть-чуть ослаб, и Жанне хватило этого, чтобы расцепить его и отползти в сторону.

Где-то вновь послышался скрип половиц... Она подняла фонарь, пытаясь понять, откуда исходят звуки, и тут же содрогнулась — на полу у стены неподвижно лежала Дина... В длинной белой ночной рубашке, из-под которой выглядывали её ноги, голова откинута в сторону окна, словно девушка в последний миг попыталась кого-то или что-то там разглядеть... Жанна рухнула на пол рядом с Диной. Её била дрожь. Что делать? Что же теперь делать? Она понимала, что следует немедленно выбираться отсюда. Но как? Тот, кто на неё напал, по всей видимости, находится в сенях либо где-то поблизости.

Жанна решила бежать через окно. С трудом справившись со створками, прыгнула с подоконника, прошла по мокрой траве к калитке и, осторожно оглядываясь, направилась к своему дому. Вокруг было тихо. Только раз ей показалось,

что невдалеке мелькнула чья-то тень, но она уже была в своём дворе, на своей спасительной территории...

Между тем уже начало светать, деревня медленно просыпалась. Придя немного в себя, Жанна решила рискнуть и осмотреть дом. Поднялась на чердак — никого... Вспомнив о погребе, бросилась в кухню. Коврик, закрывавший дверцу погреба, лежал как-то странно... Он был перевёрнут. Жанна едва удержалась на ногах. Она вдруг всё поняла. Или почти всё. Открыла дверцу погреба... Небольшой рюкзак... Её надежда и опора, её главная ценность... Теперь его нет... И ничего нет... Надо немедленно бежать! Но так жаль, она уже привыкла к этому дому, ей было хорошо в этой деревне. Но кто-то неусыпно шёл по её следам...

Жанна взяла небольшую дорожную сумку, положила туда документы, нужные бумаги, деньги, коробочку с серьгами и кольцами, оделась и, закрыв дом на ключ, отправилась по дороге навстречу рассвету, даже не оглядываясь. Она часто теряла, однако столь же часто и находила. Но то были обычные радости и потери. За этот же рюкзак она, не скупясь, отдала половину жизни, со всеми приложенными к этому жертвами. Но она была не одна — кто-то тоже не пожалел своей половины... Только вот кто?

А в Малом Евсейково уже вовсю пели петухи. Жанна достала мобильник и предупредила ответившего ей человека, что срочно едет к нему, потому что ей следует побыть в полном одиночестве и отдохнуть душой, чтобы вернуться в нормальное человеческое состояние. А потом можно будет спокойно решить, что делать дальше.

Она понимала, что смерть Дины и одновременно её исчезновение поставят на ноги всю деревню, всю милицию, что её непременно будут искать и, возможно, даже объявят в розыск. Но всё это такие мелочи по сравнению с тем, чего она лишилась! И чего ещё может лишиться!

ГЛАВА 12

Кусочек счастья

В середине дня Жанна уже входила в довольно скромную, но большую квартиру на окраине города, в котором совсем недавно проходили выборы мэра. Она была уверена, что выход есть. А если и нет, она его просто-напросто придумает. А здесь отсидится, как в берлоге... В конце концов, столько денег вбухано в этого кретина, который встретил её сейчас на пороге, что не грех этим и воспользоваться...

— Жанна Петровна, дорогая, как я рад вас видеть! Пожалуйста, проходите. Я вам определил вот эту комнату, самую лучшую... Вы не возражаете?

— Не возражаю, Богдан... — произнося его имя, Жанна всегда делала ударение на первом слоге — на западный манер.

— Фея спустилась с небес... Мне не верится, что это правда!

— Да ладно уж. Боюсь, что вас ждёт некоторое разочарование...

— О делах — потом! Если можно...

— Можно.

— Жанна Петровна, мне так хочется назвать вас по-другому... Жаннет, например... Это удивительно красиво! Вы разрешите?

— Разрешаю.

— Жаннет, когда я получил сообщение о вашем приезде... Когда вы мне позвонили... Я, с вашего разрешения, заказал нам столик в ресторане на сегодняшний вечер... Согласитесь со мной поужинать?

— Нет, у меня болит шея, я получила травму. К тому же мне нечего надеть. Обстоятельства сложились так, что я не имела возможности привезти свой гардероб. Даже самое необходимое, — без обиняков заявила Жанна, отметив про себя, что Богдан зря времени не теряет — уже переименовал её, переступив черту, за которой начинается фамильярность, уже заказал столик в ресторане... И чем всё это, по его мнению, должно закончиться? Собственно, она обязана была думать об этом раньше...

— Но до вечера ещё далеко. Я сейчас же пришлю вам на дом врача- травматолога. Он вас осмотрит, и, если всё более или менее нормально, одежду и всё необходимое вы сможете приобрести в наших магазинах.

— У меня нет денег! Меня чуть не убили, и я сбежала в чём была, оставив всё!

Богдан Степанович немного смешался, решая, видимо, сложный для себя вопрос — сколько денег дать Жанне на тряпки и другие мелочи, если доктор разрешит ей выходить. Но потом всё-таки спросил:

— Сколько нужно денег?

— Я скромный человек. Тысячи долларов мне пока вполне хватит.

У него всё внутри похолодело — такого размаха он от неё не ожидал. Но спорить не решился — всё-таки это были её собственные деньги. Да и чего мелочиться! Теперь для него тысяча зелёных — на карманные расходы. Очередь к нему стоит, и все жаждут одного — лишь бы взял. Ну, и подписал, конечно, что надо. Он отсчитал Жанне тысячу долларов, извинился, что должен уходить, так как его уже давно ждут в мэрии, положил перед ней ключи и ретировался, сказав, что будет ждать её звонка, и, если ресторанный вечер состоится, заедет за ней часов в восемь.

Жанна была довольна его поведением. Интересно, изменится ли оно, когда он узнает, что у неё ничего нет? Он ей нравился. Хотя был немолод, полноват, лысоват, да и красавцем его не назовёшь, но ведь недаром говорят, что на каждую рыбку есть свой едок. Были у Жанны и красавцы с пышными шевелюрами и внушительной мускулатурой, но в них не чувствовалось молодости духа, задора, полёта! А в этом есть всё. Правда, с мозгами туговато, но в этом она ещё не совсем уверена...

Доктор осматривал её довольно долго, а потом сказал, что о таких травмах следует докладывать в милицию. Но, конечно, если Жанна Петровна возражает... Жанна ответила, что всем этим займётся её муж, а пока она хочет знать, не представляет ли травма угрозы её здоровью. Доктор выписал ей необходимые препараты и посоветовал больше лежать. Проводив его, Жанна решила не соблюдать рекомендаций

врача, а элементарно привести себя в порядок и отправиться за покупками. А уж после этого отдохнуть, так как посещение ресторана, от которого она решила не отказываться, потребует немало сил...

Город ей понравился, и в двух магазинах её обслужили, можно сказать, по высшему классу, а один из продавцов, узнав, что такая леди без машины, даже вызвался довести её покупки до дома. Когда они подъехали к зданию, где жил мэр, и Жанна направилась к его квартире, клерк, нёсший её покупки, оробел и даже не взял с неё денег за доставку. Это ей понравилось. Господи, а ведь ещё прошедшей ночью она и не предполагала стать мэршей, а вздыхала по покинутому бывшему мужу, второму по счёту. Богдан был третьим... Был и ещё не был... Он нужен ей лишь на бумаге — для обеспечения тылов. Когда пускаешься в авантюры, то хорошо иметь место, куда можно отступить, сильное крыло, которое тебя прикроет в случае опасности. Именно сильное! Но оно не появится просто так, из воздуха. Глупо надеяться и на случай — его может не быть. Всё надо создавать самой! Она и создала его — для себя, и, кажется, сделала это вовремя. Для такого вот случая, как теперь. А дальше будет видно...

Жанна позвонила Богдану по мобильнику, но абонент был временно недоступен. Тогда она набрала номер секретарши — Богдан оставил ей все телефоны мэрии. Ответил приятный женский голос.

— Вы — Лара?

— Да.

— Меня зовут Жанна Петровна. Я бы хотела поговорить с Богданом Степановичем.

— Это невозможно, Жанна Петровна. У него совещание с предпринимателями, и он просил ни с кем, абсолютно ни с кем его не соединять.

— Ларочка! Если вы меня сейчас с ним не соедините, то никогда этого себе не простите!

— Почему?

— Потому что я, Ларочка, его любимая женщина!

Жанна и сама не понимала, чего так упирается и настаивает на разговоре, ведь срочного-то ничего нет! Но она

злилась, что не может сразу получить желаемого. Она была так упряма!

— Я... сейчас... Я спрошу, — взволнованно проговорила Лара.

— Слушаю, — тут же вслед за ней пророкотал в трубку Богдан. — Как у тебя дела, любимая?

— Ах, милый, я только хотела сказать, что к вечеру буду вполне готова. Врач сказал, что ничего серьёзного. К тому же я сделала все необходимые покупки. А какую одежду тебе приготовить?

— М-м-м... Пожалуй, полосатый костюм...

— Ах, нет, дорогой, полоски сейчас не в моде... Давай тёмно-серый с блёстками, а?

— Согласен. Целую.

— И я тебя тоже!

Это был чудесный разговор, и Жанна пожалела, что он закончился. Оба играли, и игра эта им была приятна...

Ресторан, куда они пришли вечером, казалось, сплошь состоял из тропических растений. Пальмы здесь были и живые, и нарисованные на стенах, и искусственные, но сделанные так, что не отличишь от настоящих. Даже на гобеленах, закрывавших окна, красовались всё те же пальмы — вероятно, мастера ткали этот гобелен специально, на заказ. Но если пальмы напоминали южный курорт, то потолок был похож на планетарий — на нём во всю ширь разместилась карта звёздного неба.

Богдана Степановича здесь явно ждали и придерживали основную массу посетителей, не зная, в каком обществе мэр предпочтёт отужинать. Ведь вполне возможно, что это будет деловой ужин с разговорами, не предназначенными для чужих ушей. Но мэр, войдя в зал с красивой женщиной и выбрав столик в сторонке, дал отмашку, и народ впустили. Правда, от избранного Богданом Степановичем столика отодвинули другие, чтобы мэру и его избраннице не мешали, но никто и не собирался мешать. Все были заняты одним — рассматривали спутницу мэра. Красивая, изящная, с блестящими ухоженными волосами, достающими до плеч... Оценили и минимум косметики, и скромность во всём облике, и искреннюю улыбку. Когда в зале стало шумно, Жанна поняла, что прошла испытание.

Она танцевала с Богданом и удивлялась, до чего же непредсказуемая штука — жизнь! Ведь меньше суток прошло с тех пор, как её ограбили, чуть не убили, как она с трудом выбралась из старого дома с покойницей Диной и, схватив лишь самое необходимое, удрала из деревни к человеку, с которым не так давно оформила фиктивный брак, чтобы чувствовать себя спокойной и защищённой. Вернее, купила этот брак. Только ведь именно Богдана она выбрала для этого, а не кого-то другого. Да-да, и прежде всего потому, что он носил такую же фамилию, как её девичья, он был Ратников! Она любила запутывать следы... Но, конечно, в первую очередь думала о главном — крыло, призванное её защитить, должно быть сильным... И вдруг ей несказанно повезло. Странно всё-таки устроена жизнь...

ГЛАВА 13

Городская идиллия

Утро выдалось замечательным. Жанна с удовольствием следила за тем, как солнечные лучи пробиваются через неплотно задёрнутые шторы и освещают её комнату... Она улыбнулась и подумала, что надо просто забыть обо всём, что было... Начать жить заново. У неё получится — она проделывала это не раз!

С кухни донёсся запах... обыкновенной гречневой каши, которую Жанна так любила! Значит, Богдан уже проснулся... Глубокой ночью, а точнее уже под утро, она отправила его в соседнюю комнату, чтобы хоть немного поспать, вдвоём это никак не удавалось. Прямо в постели она решила сделать привычную для себя гимнастику, но тут открылась дверь, и в проёме показалась голова Богдана.

— О, птичка уже готовится вылететь из гнездышка? — ласково спросил он. И прибавил: — Золотая птичка...

— Уже не золотая! — резко приподнялась Жанна.

— Скажу сразу, птенчик, этот намёк не изменит наших... э... нежных отношений, — запинаясь, произнёс Богдан. — Но всё-таки я хотел бы знать... Я ещё вчера хотел знать, что произошло, но не стал портить чудесный вечер.

Ну, ласточка моя, тебя кто-то обидел? Если да, неужели мы не сможем найти управу на этого обидчика?

Жанна посадила рядом с собой Богдана и выложила ему всё, что произошло в деревне Малое Евсейково.

— Ласточка, я не понял, ты действительно боялась каких-то записей этой Манефы, а?

— Да. Но я предпочла бы не говорить тебе, почему. Однако поверь, ничего серьезного... Во всяком случае, ничего касающегося... того рюкзака.

— Следовательно, ты всё-таки пробралась ночью в её дом и нашла эти записи?

— Да. Нашла. Они у меня.

— И много времени ты на это потратила?

— Много. Около часа, наверное. Сразу не могла найти.

— И где же они оказались?

— За иконой Николая Чудотворца!

— Ты включала свет в доме?

— Нет, господин следователь! Я работала с фонариком!

— И призрак этой Манефы не ходил за тобой по дому?

— Б-р-р-р! Что ты такое говоришь!

— Извини. Около часа... Но ведь в любую минуту туда могла войти Дина! Девушка, которая тебе рассказала про писательские наклонности Манефы! А ты не боялась... Почему же ты не боялась, а?

— Ну... вообще-то, я боялась. Но старалась об этом не думать, а заниматься делом!

— А может, ты не боялась совсем по другой причине?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да так, ничего... — замылся Богдан, но потом всё-таки спросил: — А зачем ты пошла среди ночи к этой Дине?

— Я понимаю... Понимаю, что пришло тебе в голову! Если я знала, что Дина мертва, зачем отправляться к ней домой, да?

— Хм... Логично. А раньше, ещё перед поисками у этой старухи, ты к девчонке не заходила?

— Нет, конечно. Но вчера ночью мне показалось, что я услышала какой-то подозрительный шум... Там, в доме Дины... И решила осторожно заглянуть туда. Мне очень трудно тебе объяснить, но я вдруг вбила себе в голову, что могу застать там человека, который что-то про меня знает.

— И ты оказалась права... Извини, но мне хочется, чтобы во всём была полная ясность. Из сказанного тобой выходит, что убил девчонку и напал на тебя один и тот же человек...

— Кажется, так...

— Человек, каким-то образом узнавший о необычном содержимом твоего рюкзака... А про это многие знали?

— Нет! В том-то и дело! Я ведь поехала туда с определённой целью, как и многие... Ну, когда про исчезнувший самолёт с золотом услышала. Думала, авось мне повезёт! И повезло... Не успела, можно сказать, и нескольких шагов сделать, как на тебе! Лежат два покойничка! Я не знала, кто они и как здесь оказались. Может, старатели, может, бандиты какие-то... Просто подумала, надо посмотреть, что за поклажа у них, всё равно ведь им-то самим уже ничего не нужно. Осмотрела одежду, вещи... Друг друга они, видно, постреляли... За песок золотой... А я его прибрала и у того, и у другого... Обратное еше шла — тяжело, много золота-то, да и от страха тряслась. И не зря... Пуля меня чуть не догнала, Богдан... Мимо просвистела. Так до сих пор и не знаю, видел ли меня кто, или пуля была случайной...

Жанна не сказала Богдану о том ощущении близкой опасности, которое преследовало её с тех самых пор... Теперь же они оба пришли к одному выводу — следует непременно найти похитителя сокровищ! Богдан поинтересовался, сколько там было этих самых сокровищ.

— Да откуда я знаю! Много. Я расставалась с песочком постепенно, когда требовались деньги. Вот сколько пошло на твою избирательную компанию, а?

— Около ста тысяч набежало! Не густо, в общем-то, но ведь и город не велик...

— А переведи-ка в рубли! Миллионы... А это всего лишь маленькая частичка содержимого того рюкзака...

Неожиданно Богдан сказал, что у него есть план. И план великолепный, правда, тоже требующий денег. Однако настоял, чтобы сначала они позавтракали, и только после этого торжественно заговорил:

— Жаннет! Есть в этом мире одна спасительница, провидица, прозорливая душа!

— Ни в коем случае! Никаких гадалок-проходимок! — отрезала Жанна.

— Учись слушать до конца! Особенно когда с тобой разговаривает муж, который хочет спасти наше достояние!

— Уже наше?

— Так. Некоторым птичкам, в частности чёрно-белым ласточкам, надо закрыть свой клювик! И не свиристеть! Так вот, есть одна гениальная женщина. Женщина-сыщик. Говорят, для неё вообще не существует загадок. Сейчас она работает частным детективом.

— И ты её знаешь?

— К счастью, да. И причина проста — она живёт в том же городе, где и моя мать. В том же доме. И на той же лестничной площадке. Ставлю тебя в известность, что часто навещаю свою матушку, потому что сюда её не заманишь, а там мне делать нечего, все кресла заняты прочно и надолго. Перед выборами вот ездил за благословением и соседку её знаменитую видел. Поздоровались. Поздравил даже её — она замуж вышла.

— Молодая?

— Твоего возраста. Лет 37-38... Второй раз вышла. А зовут её Валентина Васильевна Орлова. Вот я и предлагаю нам с тобой к ней обратиться. Только учти, она всё насквозь видит! И сначала надо продумать, как избежать нежелательных признаний...

Жанна молчала. Это была трудная задача, и прежде чем давать согласие, надо крепко подумать. Наверное, в тот миг, когда она родилась, в небе сияли какие-то особые звёзды, напоминавшие блеск золота и алмазов. Золото буквально липнет к ней, хватая её за руки, унизывая пальцы кольцами и перстнями. Правда, она, щедрая душа, прежде чем пуститься в своё авантюрное плавание по жизни, всё раздарила, оставила себе совсем немного... А с алмазами у неё ещё более нежные отношения. И более тонкие. Она их не только чувствует, понимает, но даже порой и слышит! Они издают тонкие протяжные звуки, похожие на отдалённый перезвон растущих кристаллов или волшебных веток сказочного хрустального дерева... Когда однажды Жанна увидела целую россыпь алмазов, которыми был завален стол её начальника — так требовалось для демонстрации мощи нового месторождения, — не теряя

драгоценного времени, дождавшись, когда все уйдут на обеденный перерыв, она открыла кабинет, сгрэбла все алмазы в большой полиэтиленовый пакет и скрылась в неизвестном направлении, заставив мужа изрядно поволноваться. Этот номер у неё прошёл лишь потому, что она очень быстро исчезла, а через некоторое время... сменила все свои паспортные данные! Причём чрезвычайно простым и доступным способом... Слава богу, муж ей в этом помог... И слава богу, что в украденном из её погребца рюкзаке не было этих алмазов! Что они спрятаны в другом месте! Жанна знает, что им там хорошо и спокойно, и поймёт, когда им будет грозить опасность, если, конечно, вообще будет грозить. У неё с этими камешками крепкая незримая связь... А вот с Диной ничего не понятно — кому понадобилась смерть простой деревенской девушки? Неужели её убили лишь для того, чтобы отвлечь Жанну и подольше задержать её в чужом доме, чтобы успеть найти её рюкзак? Что-то тут не вяжется... В доме и так можно было покопаться сколько угодно — она ведь не раз уезжала в город... Да, загадка... Детектив... По зубам ли он будет этой... Орловой? Собственно, Жанна не против того, чтобы к ней обратиться. Про алмазы, естественно, не следует упоминать, они здесь не играют никакой роли, а вот о золоте необходимо рассказать всё как есть, ничего не утаивая и не приукрашивая. Остаются только Манефины записи... Их, конечно, легко уничтожить, а что делать с фактами? Их ведь никуда не денешь. Манефа точно угадала её родителей. Ратниковых. Собственно, ничего особенного в этом и нет, но старуха могла болтать об этом направо и налево. А Жанне вовсе не хочется, чтобы кто-то знал, что её девичья фамилия и фамилия по мужу совпадают. Тем более её родителей давно нет в живых. Тот, кому надо, от её девичьей фамилии легко перейдёт к другой, канувшей в Лету... И, увидев Жанну во всём великолепии, несказанно удивится... Манефа вовремя умерла... И Дина, которая, вполне возможно, читала её «опус», тоже мертва... Успели они рассказать кому-нибудь о её тайне? Вряд ли. Дина, кажется, только с ней, Жанной, и общалась. Вообще, надо на время забыть обо всём этом и заняться тем, что сегодня важнее всего — пропажей рюкзака. Действовать немедленно!

— Ты прав, Богдан. Я всё продумала. Мне есть что скрывать, но это не так уж страшно. Я верю, что это пока может остаться за кадром... Звони Орловой! — сказала Жанна, глядя прямо в глаза Богдану.

Богдан тут же связался со своей матерью, и она продиктовала ему телефон соседки. Однако трубку подняла не она, а муж Орловой, Платон Петрович, сообщивший, что жена находится в командировке, причём чуть ли не на другом конце света, и когда вернётся — неизвестно. Тогда Богдан изложил ему свою просьбу. Платон Петрович заверил его, что записал всё на диктофон, и, как только жена вернётся, он прокрутит ей запись, и она непременно позвонит сама. Но при этом посоветовал обратиться и в районную милицию, в чьём ведении находится деревня Малое Евсейково. А ещё поздравил Богдана с избранием на пост мэра — соседка, видимо, успела рассказать ему о своём сыне.

Итак, Жанна и Богдан решили для себя главное — следует довериться Валентине, и Богдан сразу же взялся за дело. Он попросил Жанну проанализировать каждый день, проведённый в деревне. Вспомнить, с кем она общалась и кто вызвал какие-либо подозрения... Жанна начала рассказывать ему о своём деревенском житьё-бытьё, вплоть до того, у кого и за сколько покупала молоко и как ей хотелось завести пасеку. Получалось, что общалась она лишь с Манефой, Диной да с Николаем Павловичем. Первых двух можно уже не учитывать, а с пасечником разговаривала всего один раз.

— А молочница? Она к тебе домой приходила?

— Нет. Я сама к ней по утрам ходила. Через всю деревню.

— Хм... А это далеко?

— Да прилично. Метров пятьсот.

— Туда пятьсот да обратно столько же — вот и получается километр! И пока ты ходила, кто-то мог проникать к тебе в дом и вести поиски... Ведь не на виду же у тебя лежал этот рюкзак!

— Предположим. Допустим, я ушла за молоком или вообще надолго уехала в город. И вор нашёл то, что искал. Так почему же он сразу это не унёс? Зачем было убивать Дину?

— Тут вот какая штука вырисовывается... Интересная штука... Сейчас-сейчас, крутится в голове этакая абсурдная мысль... С этой твоей Диной... Кстати, что она за девушка была?

— Обычная деревенская недотёпа, каких много. Ни образования, ни ума особого. Как-то вечером разоткровенничалась, у меня сидела. Призналась, что хотела быть художницей, что ли, я уж не помню...

— И почему не стала?

— А потому же, почему ты не стал следователем! Красивый парень на горизонте появился, и мозги у неё повернулись строго в его сторону.

— Вот как... И куда же он делся?

— Не знаю. Но, кстати, мне казалось, что иногда к ней кто-то навевдывался. Правда, я её не спрашивала, личная жизнь никого не должна касаться... А почему ты так подробно о ней расспрашиваешь?

Богдан помолчал и вдруг выпалил:

— А не могла Дина стащить это золото, а? Нет, ты сразу не отвечай, подумай... Предположим, она его украла, но себе на беду — её парень, узнав о краже, решает приватизировать рюкзак и избавиться от неё... Как тебе такая конструкция? Слушай, а может, в деревне знают, как его зовут, кто он и откуда? Вот этим и следует заняться в первую очередь! Кстати, ты могла бы сделать это сама? Ну, хотя бы начать?

— О чём ты говоришь! Меня там милиция замучает подозрениями, не я ли убила Дину! Совсем недавно они парили мне мозги, доказывая, что именно я убила Манефу! О, постой-постой... Я вспомнила...

— Что? Говори!

— Один милиционер... Савин его фамилия... кажется. Он говорил про какой-то анонимный звонок... Ну, насчёт меня, что я виновата в Манефиной смерти... Только я как-то не придала этому значения...

— А кто звонил? Мужчина? Женщина?

— Не знаю...

— Мы движемся в правильном направлении... Звонил или этот самый тип, или же человек, который как бы издала руководит всем действием...

— Да. Мне приходило такое в голову. Порой я чувствовала себя пешкой, которую кто-то передвигает по шахматной доске, причём специально делает это неправильно, чтобы меня съели... То есть пешку...

— Эх, как жаль, что Валентина в командировке! Может, следует немедленно отправиться в твоё Малое Евсейково, а? И поразведать у местных жителей, что к чему...

Эта мысль заставила их быстро собраться в дорогу. Только Жанна взяла с Богдана слово, что в случае необходимости он избавит её от наездов оперативников.

ГЛАВА 14

Собственное расследование

Когда джип с Жанной и Богданом въехал в Малое Евсейково, солнце стояло уже в зените, берега речки были усыпаны компаниями отдыхающих, а вдоль дороги, чуть ли не съезжая в кювет, пестрели автомобили самых разных марок. Ничего не скажешь — суббота, люди отдыхают! Жанна предложила Богдану схитрить, правда, неизвестно для кого. Как ни в чём не бывало они проехали мимо Жанниного дома и развернулись к реке. Она надела платье, которое купила накануне вместе с вечерним нарядом, то есть его здесь на ней никто не видел, повязала на голову косынку, закрыла глаза тёмными очками и только тогда вышла из машины, оглядывая всё вокруг, словно ступила на этот берег впервые в жизни. Среди отдыхающих почти не было деревенских, только ребяташки. Зато прямо на них с высокого берега смотрел дом Николая Павловича, и она сразу направилась туда, оставив Богдана возле машины.

Пчеловод трудился в саду, осматривая кусты крыжовника. Увидев Жанну, он позвал её к себе и показал ягоды, усеянные какими-то белыми пятнышками.

— Вот напасть-то... И ведь опрыскивал, да всё без толку!

Жанна поохала вместе с ним, спросила, как поживают его любимицы пчёлы.

— Работают. Трудятся. Пример человеку показывают.

— А меня тут не было почти два дня. Уезжала. Какие новости в деревне?

— Да какие... Милиция всё кружит... Слух есть, что Манефу-то убили... Не знаю уж, верить или нет...

— Я не верю, — решительно произнесла Жанна. — Ради чего?

— Вот и я так думаю...

— Бог с ней, с Манефой... В годах всё-таки была. Лишь бы больше никто не помер, — бросила Жанна пробный камешек.

— Да, слава богу, вроде больше никто!

— Ну и ладно!

Жанна была довольна — следовательно, в деревне ещё не знают о смерти Дины. Если до ночи не узнают, под покровом темноты они с Богданом могут проникнуть в Динин дом и хорошенько там всё осмотреть... Не может быть, чтобы не обнаружили следы некой особи мужского пола...

— А? Как думаете, Жанна Петровна?

— Ой, извините, я тут размечталась...

— Погода, говорю, какая-то странная стала...

— Да-да, и не только погода, Николай Павлович! Люди тоже стали странными... Вот Дина, например... Простая, открытая, симпатичная... Но как только побывает у неё этот парень, не знаю, кто он и откуда, она становится сама не своя... Злая, что ли, даже не пойму...

На самом деле Жанна ни разу не видела Дининого парня воочию, лишь слышала иногда по ночам его голос, но не придавала этому никакого значения. А ведь могла понаблюдать, прислушаться. Могла!

— Я тоже не знаю его. И не видал никогда. Но думаю, человек он сильно занятой. Потому как в основном она к нему ездила... Бывало, неделями её здесь не видали!

— А вот при мне она никуда не уезжала! — заметила Жанна.

— Ну, так вы же здесь недавно! Манефа мне про него говорила... Все удивлялась, что он по ночам приезжал... Женатый, говорила, наверное, вот и не хочет, чтобы его кто-нибудь у Дины увидел...

— Действительно странно...

— А я, наоборот, говорил Манефе, что ничего тут странного и нет. Может, Динин парень просто много работает. Об этом вы не подумали? У меня вон племянник в городе, предприниматель, так у него минуты нет свободной!

— А что, Динин парень — предприниматель? — спросила Жанна.

— Да бог его знает! Но однажды Манефа услышала их разговор... Не люблю я сплетен, а тут, грешен, выслушал, потому как Дина мне интересна. Корни в ней крепкие чувствуются... Сила... И хотелось узнать, о чём она со своим парнем говорила. Разговор вроде бестолковый был, ни о чём. Она ведь татарка наполовину, и он, кажется, тоже... Его Икаром зовут. Так вот, разговор их был какой-то непонятный, но Дина случайно заметила Манефу и страшно разозлилась.

— Вот как? Ой, не тяните, Николай Павлович!

— Да ради бога! Дина спросила его, ну, Икара этого, значит, нашёл ли он какое-то там место... И что-то про рюкзак... Или рюкзаки... Что его, или их, надо взять... Что рюкзак — это замечательное изобретение.

— Да... Интересно, — протянула Жанна. — Может, они в поход собирались? Многие ходят вдоль речки, до устья. Это ведь километров около двадцати, да?

— Может, и так. Да, похоже. Наверное, ушли уже — Дины что-то не видно, на велосипеде сегодня не проезжала.

— А вообще Икара вы видели? Какой он? Небось высокий и красивый?

— Да нет, откуда мне знать! Зато машину его знаю хорошо, — Николай Павлович подвёл Жанну к терновнику, росшему на краю сада, и указал вниз, на стоящие рядом машины. — Во-о-он чёрный джип, видите? И у него такой же! А может и тот же самый!

— Не может, Николай Павлович! Это наш джип. Мы с мужем в нём приехали.

— С мужем? Хорошо-то как! А то вы такая красивая — и всё одна да одна. А чего вы машину к себе сразу не поставили?

— Да мужу искупаться захотелось. Вон он нам машет, видите?

— Вижу... А плавки-то у него сухие...

— Меня ждёт. Машину боится оставить, — сразу же нашлась Жанна, поразившись наблюдательности пчеловода. — В городе отлучились на пять минут, вернулись, а приёмника уже нет... Ну, пойду, спасибо вам за интересные воспоминания!

Жанна спустилась к реке и, подойдя к Богдану, передала ему свой разговор с Николаем Павловичем.

— Наши подозрения подкрепляются фактами, — заметил он и вдруг встрепенулся: — Слушай, а не эта ли парочка убила старушку Манефу, а? Она ведь подслушала то, что ей ни в коем случае нельзя было знать! Дина с этим Икаром узнали, где ты прячешь свой рюкзак, и решили его похитить. Манефа, может, половины и не поняла, но «сладкая парочка» не очень интересовалась, насколько острый у неё слух...

Жанна задумалась. У неё не было ни малейшего повода подозревать Дину в таком жестоком преступлении. В краже — да. Но кража — это совсем другое дело. И потом, Манефа ведь, можно сказать, умерла при ней... Почти при ней...

— Хорошо-то как! — перебил её мысли довольный возглас Богдана. — Речка чистая, прямо хрустальная... Место ты выбрала — просто чудо! Удачно поселилась! А как ты нашла эту деревню?

— Как нашла? Да я сюда приехала, когда с мужем разошлась.

— А почему ты с мужем разошлась? Извини, но мне действительно хотелось бы это знать!

— Как принято говорить, не сошлись характерами. То, что для меня главное, не стало главным для него... А с тобой у нас замечательный союз! Мы знаем меру любви, деньгам, карьере... Справедливую меру.

— Хорошо. А как ты нашла здесь дом? Тебе кто-то подсказал? Я ведь к чему это спрашиваю, моя ласточка... А не специально ли тебя сюда вели, а?

Он спросил то, о чём сама Жанна думала не раз, правда, не соотнося это конкретно с выбором дома. Она вспомнила, как купила в киоске несколько газет, просмотрела объявления и наткнулась на одно, которое по сравнению с другими выглядело необычно. В нём говорилось о том, что продаётся новый дом без внутренней отделки, но зато в райском уголке и совершенно недорого. Да, но перед тем, как купить газеты, она услышала странное обращение какого-то парнишки к киоскёрше — он спрашивал, не знает ли она, в какой газете может быть объявление о продаже деревенского дома в райском уголке. Да-да, он так и спросил! И киоскёрша нашла ему

это объявление ... Когда Жанна рассказала об этом эпизоде Богдану, он помрачнел.

— Скорей всего, они вели тебя давно... И этот парень оказался у киоска вовсе не случайно... Он же, возможно, и объявление дал. Ласточка, крошка моя, признайся, после какого очередного... ну, скажем, спектакля ты спешно уехала от мужа и прибыла в этот город?

— После песка... После тайги...

— Следовательно, вся эта банда засекала тебя ещё там...

А может, не банда, а один новоявленный Икар... Ему было удобно, чтобы ты всегда была под рукой, вот он и поселил тебя рядом со своей девушкой... Она, кстати, могла и не знать ничего... И если стащила у тебя рюкзак, это совсем не значит, что она знала о его содержимом...

Жанна заметила, что на них стали обращать внимание. Вернее, несколько человек из расположившейся рядом компании не сводили глаз с Богдана. Они не спеша оделись, сели в машину и поехали по трассе к дому Жанны. Отъезжая от пляжа, через тонированные стёкла Жанна увидела, как от группы, наблюдавшей за Богданом, отделился один человек и выбежал на трассу, следя, куда поедет машина. А Жанна с Богданом сделали хитрый ход — не останавливаясь возле её дома, покатали дальше, к молочнице.

Клавдия Митрофановна вышла на крыльцо. Жанна познакомила её с мужем и сказала, что теперь по выходным он будет приходить за молоком.

— Со всеми его знакомлю. Обо всех рассказываю, — щебетала она. — Только вот с Диной не могу познакомить — нет её, не показывается. Уехала, что ли, куда?

— Уж и не знаю, — ответила Клавдия Митрофановна. — Несколько дней ко мне не заходила. Обычно предупреждала, если собиралась куда-то уехать. А тут — молчок! — она вдруг наклонилась к Жанне и прошептала ей в ухо: — Я своего мужа с незамужними-то девицами не знакомила бы!

— Так ведь вроде есть у неё хахаль, — так же тихо ответила Жанна. — Икар какой-то...

— Хахаль, говоришь? Не знаю, не знаю... Очень сомневаюсь, потому как мы с ней однажды разговорились, в плане того, что замуж ей, девке, пора, а она мне так ответила! Нет,

говорит, такого человека, чтобы на меня узду надел! Я сама её на кого хочешь наброшу! Вот и думай тут...

— Может, она просто хотела казаться гордой? — предположила Жанна.

— Не знаю. Когда это говорила, будто пылала вся — хоть не подходи! Я уж подумала — ну и сорвиголова! Или обидел её парень, так отомстить ему задумала...

— А давно это было?

— Да уж с месяц назад... Не знаю вот, оставлять ей молоко, или не надо...Сейчас к обеду с пляжа пойдут, набегут, ни капли ведь не останется!

Собравшись уходить, Жанна доверительно призналась Клавдии Митрофановне, что часто думает о девушке и её судьбе и хочет ей как-то помочь.

— А кто у неё родители? Они местные, да? Тут жили?

— Да нет, переселенцы какие-то. Всю жизнь в колхозе отработали, как крепостные. И померли тут. Жалко. Хорошие были люди. Трудовые. От труда и померли. Мечтали, что дочка художницей станет. Какие-то работы выполняла в городе, приглашали её. Бывало, по месяцу там работала, а потом приезжала с обновой. Я за неё радовалась. Может, и сейчас ей какую работу предложили? Хорошо, если так, а то ведь на что живёт, непонятно.

Жанна спустилась с крыльца, передала молоко Богдану, и они поехали к ней домой...

Ночь спустилась так неожиданно, что они и отдохнуть не успели. Жанна облачилась во всё тёмное, как и в прошлый раз, и надела перчатки.

— Тебе только маски не хватает... Или натянутого на голову чулка, — заметил Богдан.

Несмотря на свою шутку, он оделся почти так же, и они, словно два преступника, отправились к дому Дины. Первая неожиданность поджидала их в дверях, которые оказались закрыты. Жанна захватила с собой связку ключей. Однажды Дина потеряла ключ, и они подобрали какой-то из этой связки. Ключей на ней висело не так уж много, они быстро перепробовали все, но ни один не подошёл. Это было странно — Дина вроде бы замок не меняла. Обошли дом, попробовали открыть окно — не получилось. Тогда Богдан пошёл

к машине, чтобы взять, как он сказал, кое-какой инструмент. Жанна осталась одна и прислушалась — в доме не раздавалось ни звука... Вскоре Богдан вернулся с инструментом и быстро открыл дверь. Они вошли внутрь, закрылись и только тогда включили фонарики... Тихо. Всё на своих местах. Жанна попросила, чтобы Богдан первым прошёл в комнату. Она боялась увидеть там труп Дины, почувствовать специфический запах. И Богдан один пошёл в комнату, оставив Жанну в коридоре. Вошёл и тут же чихнул, да как-то глухо, с надрывом. «Будь здоров!» — тихо прошептала Жанна, и вдруг её буквально оглушил голос Богдана:

— Здесь никого нет!

Она вошла в комнату...

Никаких следов борьбы, никакой мёртвой Дины в белой ночной рубашке...

— Ничего не понимаю...

— Он унёс труп. И похоже, его уже никто никогда не найдёт. Но нам ведь надо другое, а? — настойчиво проговорил Богдан, призывая Жанну побыстрее приступить к делу.

Вдвоём они обшарили всю комнату, просмотрели все книги, коих было немного, пытаясь найти письмо либо какую-нибудь записку от Икара, или что-то другое, но бесполезно. Впечатление было такое, будто в доме никто и не жил — всё вылизано, вычищено, ни одной бумажки!

Когда они вышли, Жанна крепко схватила Богдана за руку, так ей было страшно. Возле крыльца прошуршали листья, а среди них белело что-то круглое — клочок скомканной бумаги! Она нагнулась, подняла его и положила себе в карман. Всю обратную дорогу молчали, и только когда вошли в дом и включили свет, Богдан признался:

— Я чуть не подпрыгнул от страха, когда ты чихнула! Учись сдерживаться! Надо потереть переносицу вот здесь... — и он показал Жанне, как именно это нужно делать.

А она стояла как вкопанная и не могла выговорить ни слова. Значит, там, рядом с ними, находился преступник...

— Богдан... Он там... Мы были там, и он тоже! Господи, я сейчас умру!

— Почему ты думаешь, что там кто-то был?

— Потому что я не чихала! Решила, что это ты чихнул! Но где же он стоял? Почему мы его не видели?

Они погасили свет, подошли к окну и, чуть приоткрыв штору, взглянули на Динин дом. В окнах было темно, но на чердаке, кажется, мелькнул слабый огонёк. Мелькнул и тут же исчез...

— Чёрт знает, что происходит! Нет, зря я не взял с собой охрану. Сейчас мои ребята взяли бы в кольцо эту развалюху, и...

— Я нашла во дворе какую-то бумажку, — перебила его Жанна. — Включи-ка свет...

Богдан включил, и Жанна развернула скомканный листочек. На нём был рисунок. Высокие деревья, под ними — маленькая женщина, склонившаяся над двумя распростёртыми телами...

Богдан тоже взглянул на рисунок.

— Слушай, а ведь эта баба на тебя похожа...

— Похожа... И похоже, это я и есть!

— Да... Становится всё интереснее и интереснее... И когда на нашем горизонте появится, наконец, сыщик Орлова...

— Она сразу же утонет в этом море загадок! — подхватила Жанна.

— Ошибаешься! Это только прибавит ей энтузиазма!

ГЛАВА 15

Мы вернулись из тайги

Вернувшись снова в цивилизованный мир, мы оказались буквально задавлены добытыми ведомством Комова фактами интересующих нас дел. Придя в офис Валентины, я с интересом прочла информацию, пришедшую из северного города, полного алмазов, — как прямо из кабинета большого начальника исчезли их образцы. Одновременно испарилась и одна из сотрудниц, Александра Григорьевна Гладышева. Её так и не нашли. Безутешный муж уехал в другой город — тот самый, в котором мы сейчас находились, и там женился на... Александре Григорьевне Гладышевой, которая в одночасье стала Семёиной — по мужу. Оказывается, на Севере они не были зарегистрированы. Это обстоятельство, то есть

официальное замужество, и помогло ей тогда скрыться, замести следы. Но, очевидно, кольцо вокруг неё сужалось, она чувствовала опасность, а потому решила «умереть», чтобы стать свободной от всяческих подозрений. Перед этим они с мужем довольно длительное время распространяли слух о её неизлечимой болезни. И, наконец, наступил роковой час, когда Александра Григорьевна Сёмина исчезла. А вот кто появился вместо неё — неизвестно, потому что женщину, похороненную под её именем, никто впоследствии не искал. Установлено лишь, что она погибла на улице от сердечного приступа. У неё явно не было крыши над головой, а бомжа в морге рады отдать кому угодно. Поэтому, когда пришедший туда мужчина заявил, что это его жена, никто по этому поводу не выразил никаких сомнений, и он тут же увёз с собой погибшую. Кстати, служители морга вспомнили, что перед ним приходила какая-то женщина, искала свою пропавшую родственницу. Утверждали даже, что в морге она появлялась не однажды... Это позволило оперативникам сделать вывод: Шурочка сама наведывалась туда в поисках подходящего трупа, то есть женщины, хоть немного на неё похожей, и из тех, у кого вряд ли объявятся родственники, чтобы заняться похоронами. И Шурочке афера вполне удалась. Но вот в кого она превратилась дальше? Муж бьёт себя в грудь, льёт слёзы и утверждает, что похоронил именно свою жену. Версия о нём как об убийце тоже присутствовала, но пока ничем не подкреплялась. А вот болезнь Шурочки... Ни в одной клинике не оказалось её карточки. Когда у мужа прямо спросили, чем была больна жена и где именно она лечилась, он ответил, что не помнит названия болезни, оно звучит очень сложно, а лечилась она в столице у какого-то доктора, занимающегося частной практикой, но имени его он не помнит...

Нам в офис позвонила Алла и сообщила, что в их городе открылась выставка фотохудожника Новичкова — посмертная — и что она там уже побывала. А дальше Алла попросила нас слушать очень внимательно, а ещё лучше — записать всё, что она скажет, и продекламировала стихотворение:

*Убит художник.
И в этом мире ложном
Нам всем тревожно...
Погиб художник.
И в души осторожно
Вползает страх...
Художник умер
От злобной пули.
Ну как же так?!*

— Записали?

— Да, — ответили мы.

— Это стихотворение было написано на большом листе ватмана и вывешено в фойе, перед залом, где проходит выставка. Я специально списала. Тут ведь говорится — от пули... А его вроде в воду столкнули с парохода... При чём тогда пуля? Это одно. И второе. Рядом со стихом на том же листе был рисунок — Новичков на палубе, а за его спиной на берегу видны купола какой-то церкви...

— Ты умница! — сказали мы с Валеёй. — Отправляйся на свою репетицию! А уж мы добудем этот рисунок!

Оказалось, что Леонид Гаврилович Серженко тоже побывал на выставке, и его оперативники успели сделать копию стиха с рисунком, которую мы и получили по факсу. Серж сообщил нам имя автора стиха — им был один из местных поэтов. Рисунок же сделала какая-то женщина прямо в фойе. Мы попросили Сержа поискать эту женщину, так как она, скорее всего, плыла на том самом пароходе и видела Алексея Степановича перед самой смертью. Серж ответил, что уже пытался это сделать, но пока безрезультатно.

Я собралась покинуть офис, но Валя меня задержала, сообщив, что сейчас она должна получить новый и, кажется, весьма интересный заказ от сына своей соседки, мэра одного небольшого города. Этот мэр и его жена попали в неприятную историю и надеются, что их вытянет из неё Валентина. Оказывается, они разыскивали мою подругу ещё несколько дней назад и с нетерпением ждали её приезда.

Мэр позвонил точно в назначенный час. По мере разговора лицо Валентины становилось всё более и более удивлённым, несколько раз она даже воскликнула: «Надо же!», а затем сообщила собеседнику, что завтра же будет у них в городе, и они вместе отправятся в какое-то Малое Евсейково. Потом записала все сообщённые ей данные, и я, пока она продолжала разговор, стала изучать эти записи. Там были поименованы несколько человек: Богдан Степанович и Жанна Петровна Ратниковы, какие-то Дина, Икар, Манефа...

Наконец Валя положила трубку и торжественно заявила:

— Потрясающий заказ! У этой Жанны на даче исчез рюкзак с золотом. Его украли. И почти одновременно скончались две её соседки — одна старая, другая совсем молодая... Милиция, как я поняла, что-то клюёт там по зёрнышку, но ещё ничего не выклевала. А самое-то интересное и необычное во всём этом — золотишко-то, скорее всего, добыто в тех самых местах, где пропал интересующий нас самолёт... Слушай, а давай рискнём оставить офис на день-два и отправимся вместе к этому мэру и его золотиношной жене, а?

Мы заранее разработали план действий, решив с самого начала условно связать дело мэра, как мы его сразу обозвали, с делом фотографа, а значит и с пропавшим самолётом. Богдан Степанович выслал за нами машину, и вскоре началось наше новое путешествие...

Город, где жил мэр, оказался уютным и очень чистым.

Мы подъехали к обыкновенному многоэтажному дому, водитель провёл нас в подъезд и сам нажал на звонок возле нужной квартиры. Дверь открыла темноволосая изящная женщина в чёрно-белом шёлковом брючном костюме. Необычайно женственная. И мне показалось, что она совсем не походила на убийцу с портрета Васи.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила нас в квартиру хозяйка и провела в гостиную.

Она сразу заявила, что без своего супруга не будет вести серьёзный разговор. Но Богдан Степанович не заставил себя долго ждать, и когда мы дружно устроились на широком уютном диване, Валентина начала:

— Богдан Степанович! Жанна Петровна! Точкой отсчёта для всего расследования я считаю тот факт, что преступник

или преступники знали о наличии у вас крупной партии золота. Откуда? Чтобы понять это, нам необходимо знать о происхождении вашего золота. След может идти оттуда...

Богдан Степанович вопросительно посмотрел на жену. И Жанна Петровна решилась. Она рассказала нам удивительную историю о женщине, которая многие годы мечтала о каком-то приключении, которое сделает её богатой и независимой. И вот однажды в центральной газете она прочла информацию о пропаже в тайге самолёта с золотом. И недолго думая ринулась туда, не представляя всех трудностей! Она не знала, что такое тайга! И вот однажды, во время одной из рискованных прогулок по тайге, она неожиданно наткнулась на два трупа...

— Простите меня, но я, наверное, уже от рождения авантюристка... Я их обыскала! И не презирайте меня за это. Возможно, вам это покажется мерзким, но там, в тайге, где смерть постоянно ходит рядом, представления о нравственности меняются. Вообще меняются взгляды на жизнь... Всё, что нас здесь сейчас окружает, там кажется нереальным. Восход... Закат... Мошка... Солнце... И золото тоже кажется солнцем, без которого нет жизни. Думаете, я одна такая? Да там десятки таких бродили! Одним словом, я их обыскала и нашла золото. Золотой песок! И у того и у другого... Возможно, они и убили друг друга. Бывает и такое. Вот это золото я и переложила в свой рюкзак. Думаю, что об этом кому-то стало известно...

— Ещё там? — уточнила Валентина.

— Скорей всего, что там. Я слышала выстрел и голоса... Но мне удалось скрыться. Видимо, кто-то догадался, что в моём рюкзаке. Ну, вот я и сказала вам главное... Начистоту...

Всё это время Жанна Петровна стояла посреди комнаты — видимо, так ей было удобнее признаваться нам. А теперь, облегчив свою совесть, села в кресло рядом с мужем, при этом одна туфелька соскользнула на ковёр... И я вдруг увидела, что большой палец её ноги — необыкновенно маленького размера... Я застыла, не зная, что сказать, а потом неожиданно выдохнула:

— Шу!..

Жанна отреагировала мгновенно, чуть не подскочила в своём кресле и тихо спросила:

— Что вы хотели сказать?

— Своим «Шу»?

— Ну, да, да!

— Я хотела сказать «шутка», когда увидела вашу маленькую ножку, с которой свалилась туфелька, — это я говорила для Валентины, смотревшей на меня во все глаза.

— А при чём здесь моя туфелька?

— А ваша маленькая туфелька, слетев, обнажила вашу прекрасную маленькую ножку. И тогда я подумала: ну, разве может эта хрупкая женщина с такими ухоженными ножками ходить по тайге, наткаться там на трупы, обыскивать их, бежать от преследователей? И я сказала себе: нет, это была ваша шутка! Ведь так? Шутка?

— Нет! Это была правда! — крикнула Жанна Петровна.

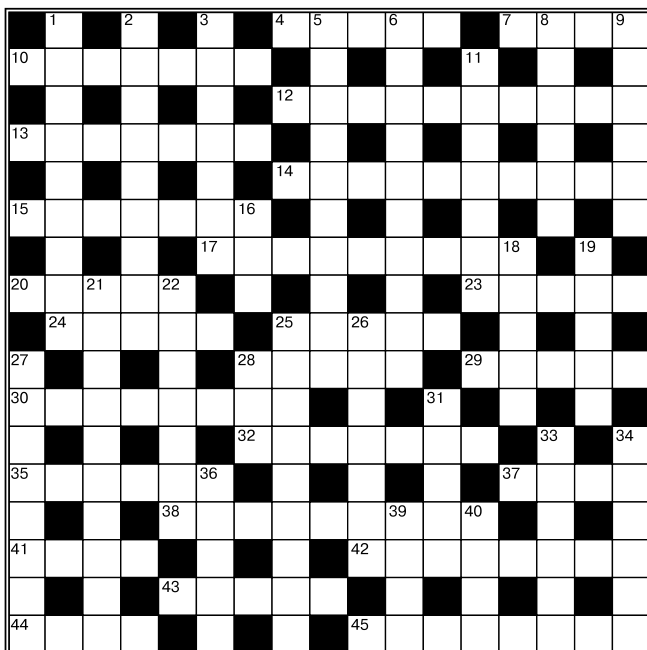
Она разозлилась по-настоящему и теперь стала демонстративно обращаться только к Валентине.

— И если вы, Валентина Васильевна, сможете нам помочь...

Валентина не дала ей договорить. Она заверила супругов, что уж теперь обязательно возьмётся за это дело!

В деревню решено было выехать через час. Правда, Богдану Степановичу надлежало вернуться на службу и рулить этим городом, но он предоставил нам машину со своим водителем. И обещал подъехать позже. Надо полагать, что с транспортом у него не было напряжёнки. Мы с Валею решили на этот час избавиться мэру от своего общества и отправились осматривать город... ☞

Окончание следует

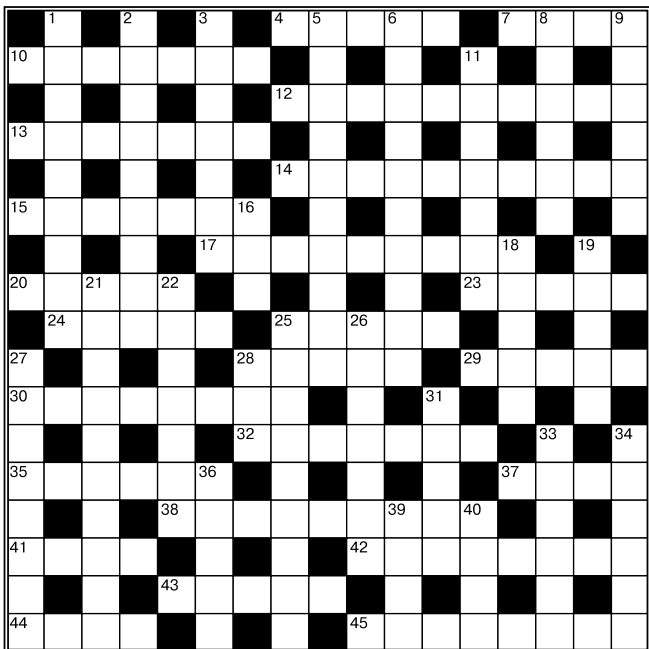
По горизонтали: **4.** Литературный сыщик, впервые появившийся на страницах романа «Убийство в доме викария» Агаты Кристи. **7.** Рыбы ощущают ... всем телом. **10.** Конструктор, чья фамилия спряталась в названии нашего пистолета «ТТ». **12.** Предмет, который преподаёт героиня детективного романа «Пелагия и белый бульдог» Бориса Акунина. **13.** Фокусник из скоморохов на Руси. **14.** Избавление по бросовым ценам. **15.** «Внизу ... толпы, над головою звёзды, по лезвию судьбы пройти совсем непросто». **17.** Тормоз химической реакции. **20.** Империя спортивных товаров. **23.** Как сторожевой, так и прогулочный. **24.** Какой бриллиант венчает царский скипетр России? **25.** Крымский виноград. **28.** «Глупость всё увидит, ... многое не станет замечать». **29.** Колодезный «нырлящик». **30.** Какую машину на АЗС «разгружают»? **32.** Какой альтист имел право летать со скоростью мысли? **35.** Самое шахматное из парижских кафе. **37.** «Снотворная» муха. **38.** «Быть крылатым от рождения — лучше всех на свете благ» (античный драматург). **41.** «Жало» шприца. **42.** Уральский Эверест. **43.** «Чистойшей прелести чистойший образец». **44.** «В последний раз я видел вас так близко, в полёты улиц вас умчал...» **45.** Жительница страны со старейшим в Европе парламентом.

По вертикали: 1. «Рекламный буклет» фотомодели. 2. Самая популярная игра в Литве. 3. Команда Михаэля Шумахера. 5. Недуг, с которым врачи советуют бороться с помощью моркови. 6. Музей редких уродцев. 8. «Хроническая погода». 9. «От уверенности до самоуверенности всего один ...» 11. Что сделало ледяным сердце сказочного Кая? 16. Какая антилопа «во гневе» обращает в бегство и гиену, и гепарда? 18. Что несёт за плечами герой сказки «Огниво» датчанина Ханса Андерсена? 19. «Гольфы к бутсам». 21. Что футбольные фанаты «заставляют» надевать европейских полицейских? 22. «Караван» боевой техники. 25. У какой страны мы арендуем «Байконур»? 26. «Забавляется он с людьми, и страдает мы от любви». 27. Должность Варвары в доме композиторов из кинокомедии «Ширли-мырли» Владимира Меньшова. 28. «Половой признак» среди существительных. 31. Закон Хеблока гласит: «Если... хорош, его перестают выпускать». 33. Какой царь командует отважными воинами фильма «300 спартанцев»? 34. Кто загрязняет окружающую среду одним своим присутствием? 36. Какой день недели бывает «окружающим»? 39. Какое устройство помогает завалить ваш стол бумагами всем, кому не лень? 40. «Тормоз» самокатчика.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 4

По горизонтали: 1. Тамбур. 3. Ангола. 7. Дубровник. 8. Туров. 11. Грунт. 13. Олово. 14. Отрок. 15. Пидна. 19. Марка. 21. «Враги». 23. «Метрополь». 24. Воланд. 25. Приход.

По вертикали: 1. Триптих. 2. Бруно. 4. Глиер. 5. Апостол. 6. Попцов. 9. Рентген. 10. Вологда. 11. Голиков. 12. Уланова. 16. Демидов. 17. Аристид. 18. Паром. 20. Крема. 22. Ралли.

По горизонтали: **4.** Какое произведение Иоганн Гёте сочинял 60 лет? **7.** Морской обитатель, с каким современники сравнивали Сократа. **10.** Итальянский побратим Новороссийска. **12.** Американец Бенджамин Франклин утверждает: «Слишком мягкие законы редко соблюдаются, а слишком суровые — редко приводятся в ...». **13.** «Морской бой» без кавычек. **14.** Какое слово было высечено на мечах французских палачей? **15.** «Особого устройства вагон с бесконечными рельсами», придуманный в 1879 году русским крестьянином Фёдором Блиновым. **17.** Автомобильный «указатель поворота». **20.** Что Александр Суворов советовал «держат в голоде»? **23.** «Козлоногий нимфоман». **24.** Голливудская блондинка. Для роли, за которую она после получила «Оскар», ей пришлось поправиться на 15 килограммов. **25.** Главный... Вены носит имя святого Стефана. **28.** Море с Соловецкими островами. **29.** Плод, дающий облегчение при бронхиальной астме. **30.** Тайский эпос, «подаривший» героев для орнамента стен храма Изумрудного Будды в Бангкоке. **32.** Кто открыл первую мануфактуру «живописных ковров»? **35.** «Психологический поединок» среди борцов сумо. **37.** В конце XVIII века появилась карта, где Европа изображена дамой: лицо — Испания, грудь — Франция, живот — Германия, правая рука и пальцы — Италия. Чем стала Сицилия? **38.** «Электрическая инъекция». **41.** «Макушка зимы» в Австралии. **42.** Личный секретарь во времена Древнего Рима.

43. Шутливое уравнение: «Кентавр + Пегас — полтора коня = ...» **44.** Какой символ состоит из головки, штителя, флажка и вязок? **45.** Как называли подмосковное село Чёрная Грязь после того, как в 1775 году его купила Екатерина Великая?

По вертикали: **1.** Главный источник алмазов. **2.** Переводчик с неграмотного языка на грамотный. **3.** Чудесный зверь с тигриной головой, попавший на средневековые гербы. **5.** Самый первый витамин. **6.** «Злейший враг будильника» из аптеки. **8.** Страна, где впервые использовали трубку, чтобы проверить, пьян ли водитель. **9.** «Кузнец спортивных кадров». **11.** Кто бросил свои миллиарды к ногам Жцаклин Кеннеди? **16.** Комариный табун. **18.** «Народное зрелище» из рассказа «Другое небо» Хулио Кортасара. **19.** Первая жена Адама, ставшая матерью демонов. **21.** Слюда, которую ценят в промышленности за способность очень сильно расширяться при нагревании. **22.** Кувшинчик под японское саке. **25.** Паук, способный отдать врагу одну из своих ножек. **26.** Испанский трактор, попавший на многие полотна Диего Веласкеса. **27.** Самое распространённое имя среди датских королей. **28.** Дисциплина античного пентатлона. **31.** Головной убор на Мурзилке. **33.** Какое полотно вдохновило Оскара Уайльда к написанию сказки «День рождения инфанты»? **34.** На греческом острове Гавдос установлен памятник этому предмету, а на постаменте начертано: «Отдохни и улыбнись самой южной точке Европы». **36.** Апостол с Апокалипсисом. **39.** «Родясь от пламени, на небо возвращаюсь, оттуда на землю водою ниспускаюсь, с земли меня влечёт светило дня к звездам, а без меня тоска смертельная цветам». **40.** Какой алжирский боксёр принёс первые олимпийские медали своей стране?

Ответы на эрудит, напечатанный в №4

По горизонтали: **1.** Душкин. **3.** Адагиев. **7.** Грибоедов. **8.** Дудин. **11.** Нарва. **13.** Ижора. **14.** Кикин. **15.** Зимин. **19.** Савин. **21.** «Варяг». **23.** Агрономия. **24.** Община. **25.** Волков.

По вертикали: **1.** Давыдов. **2.** Корни. **4.** Агора. **5.** Варлаам. **6.** Козлов. **9.** Данилов. **10.** Никитин. **11.** Нахимов. **12.** «Ревизор». **16.** Кусково. **17.** «Тамань». **18.** Дягилев. **20.** Изгои. **22.** Ахилл.

СМЕНА

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизилев

Заместитель главного редактора

Тамара Васильевна Чичина

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Арт-директор

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Макет:

Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени

«Чеховский полиграфический
комбинат»:

142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.

Зак. №1397

Цена свободная

Номер подписан в печать:

18.04.2011

Фра Филиппо Липпи. «Мадонна с младенцем и двумя ангелами», 1457 г.

О фра Липпи и его модели читайте на стр. 36

« — Золото, которое ты стащила в тайге у нас из-под носа, мы себе вернули... Думаю, это тебя не слишком опечалило. Уверена, что и до этого ты совершила немало подвигов, и кладовые твои не пусты. Жаль, что всё пропадёт...

- Это почему же? — упавшим голосом спросила Жанна.
- Потому что сейчас ты покончишь с собой...»

Наталья Солдатова «Вкус золота»

« Императором стал двенадцатилетний мальчик, который ничем не походил на своего великого деда, а весь удался в маменьку: кротко сносил превратности жизни, послушно называл весельного Меншикова батюшкой, нежно любил старшую сестру Наталью и пылко — тётку Елизавету, юную, красивую, весёлую. А вот «завещанную невесту» Марию Меншикову на дух не переносил. Называл её куклой и мраморной статуей и божился, что обвенчается не раньше двадцати пяти лет».

Светлана Бестужева-Лада «Жертва на престоле»

« Иногда поражаешься тому, как сбываются написанные сказки. Поэтому, если вы соберётесь поработать Андерсеном, конец вашей сказки должен быть хорошим, даже если мир сейчас и воспринимается как недоразумение. Не берите пример с пессимистичного Ханса Кристиана! Прочь, «Девочка со спичками»! Да здравствует «Дюймовочка»!

Софья Стебловская «В некотором царстве...»